

НОВАЯ ПОЛЬША 1/2004

Содержание

1. СУДЬБА ЛЮДЕЙ — ОБЩАЯ
2. ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ
3. ЭКСПЕРИМЕНТЫ И РЕФОРМЫ
4. СЕГОДНЯ У НАС ТОЖЕ ЕСТЬ РУССКИЕ ДРУЗЬЯ
5. ЧЕМ ЖИВУТ РУССКИЕ В ПОЛЬШЕ
6. МАРЕК НОВИЦКИЙ
7. О ДЕМОКРАТИИ И ТЕРПИМОСТИ
8. ЗАВОРОЖЁННЫЙ ГАЛЧИНСКИЙ
9. РОССИЯ В ПРЕДДВЕРИИ СТРАШНОГО СУДА
10. ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРОЙ ПЕРИОДИКИ
11. ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

СУДЬБА ЛЮДЕЙ — ОБЩАЯ

Вы намерены обсуждать вопрос о терпимости и ее пределах, а также заняться ликвидацией проявлений расовой либо этнической ненависти, которые создает человеческая глупость, темнота и подлость. Мне очень нравится задуманное вами дело, и, конечно, я поддерживаю его безоговорочно.

Как все мы знаем, неприязнь, подозрительность и, в конечном счете, ненависть ко всему чуждому и ко всем чужакам — такое явление, которое сопровождает историю человечества с незапамятных времен, притом можно оказаться «чужаком» по разным причинам: другой религии, другого языка, другой национальности, другого цвета кожи. Но история учит нас не только тому, что вражда к чужакам заурядна, исторически укоренена и зачастую ведет к самым страшным преступлениям, но и тому, что с нею можно успешно бороться, если есть настоящая готовность это делать.

*

В III веке до Р.Х., 23 столетия назад, царь Ашока в северо-восточной Индии (отметим, что подвластная ему территория включала значительную часть сегодняшнего Афганистана с Кабулом, Гератом, Кандагаром — городами, известными нам по недавним драматическим событиям) был так потрясен жестокостями и страданиями во время войны, которую вел он сам, что решил переменить людские нравы и в поисках мудрости обратился в буддизм. Он издал указы, повелевая уважать все религии — ибо считал, что сосуществование разных религий всем на пользу, — защищать беззащитных, а также не причинять мучений животным.

Эти указы были первым известным нам в истории правовым документом, который вводил религиозную терпимость. Но и религиозная история Европы, несмотря на множество войн и ненависти, не представляет собой лишь непрерывную цепь гонений. В XVI-XVII вв. и лучшие из христианских писателей (хотя этих лучших было не так много) провозглашали религиозную терпимость, и властители разных стран тоже провозглашали ее и предписывали — можно назвать Нидерланды, но также и Польшу, где принимали беглецов из других стран, претерпевавших гонения по религиозным причинам.

Эта терпимость не была ни вполне последовательной, ни устойчивой. В Польше она завершилась изгнанием ариан, во Франции — отменой Нантского эдикта, обеспечивавшего права протестантского меньшинства. И там и тут результаты для страны оказались хуже некуда.

Когда мы говорим о терпимости, мы имеем в виду не только правовые предписания, которые запрещают гнать и в уголовном порядке преследовать людей за их взгляды — религиозные или иные, — а также за такие действия, которые, возможно, нам не нравятся (если они не нарушают общественного порядка и принципов человеческого общежития). Мы имеем в виду также отношение отдельных людей к тому, что им чуждо. Нашу способность рассматривать других людей, в том числе по тем или иным причинам чуждых, с доброжелательным вниманием. Терпимость, разумеется, не означает снисходительности ко злу: различные проступки и подлости должны быть наказуемы, ибо не все мы по природе добры, лишены ненависти, алчности, зависти. Но мы настолько содействуем улучшению мира, насколько способны к терпимости и вере в то, что судьба людей — общая, что она обнимает всех людей до единого. Следует, однако, отметить, что, когда мы говорим о людях другой национальности, языка или цвета кожи, слово «терпимость», собственно говоря, неуместно. Они нам чужие, мы их, может быть, плохо понимаем, но это такие же люди, как мы, хорошие или плохие.

*

Предрассудок, согласно которому те или иные этнические либо расовые группы ниже нас, хуже или нравственно отсталые, — это зловеший, отравленный источник самых страшных массовых преступлений. Но точно так же, как мы не говорим о «терпимости» к рыжеволосым или голубоглазым, нет смысла говорить, что мы обязаны проявлять «терпимость» к людям другого языка или расы.

Разнообразие культур и языков, разнообразие человеческих характеров и умений создает великое богатство цивилизации, и глупо было бы требовать, чтобы все были одинаковы.

Сегодня мы свидетели далеко еще не оконченной войны, разожженной террористическими нападениями. Их совершали темные, ослепленные фанатики — мусульмане, полные ненависти к христианской цивилизации, ненависти к евреям и ненависти к Западу. Знающие дело люди говорят нам, что этот преступный фанатизм — отнюдь не какая-то естественная черта ислама, что террористы представляют собой лишь

маргинальную горстку мусульман. Это наверно так, но нынешняя война воочию показывает им весь ужас религиозной и цивилизационной вражды. Джонатан Свифт в «Путешествиях Гулливера» описал кровавую войну, которую вели два королевства. Это была идеологическая война: речь шла о том, с какого конца разбивать яйцо всмятку — с тупого или острого. У Свифта это было описанием войны за догматы, религиозной войны.

*

Во всех европейских странах, в том числе и в Польше, есть своя история сосуществования с национальными меньшинствами. История эта складывалась по-разному, и почти нигде не обошлось без самых разных конфликтов, давления, иногда — гонений, иногда — резни. Особо выделяющимся меньшинством были евреи, рассеянные по всем странам и почти везде подвергавшиеся разнообразным ограничениям или преследованиям. Польша давних времен, похоже, поворачивалась своей не худшей стороной: она давала им различные права и самоуправление. Грубый антисемитизм нарастал в нашей стране в межвоенные годы, случались и погромы. Долгое время евреи жили культурно замкнутыми, приверженными к своим обычаям, религии, языку, одежде. Со временем, однако, многие из них ополячились, и среди этих поляков из евреев были люди, чрезвычайно обогащавшие нашу культуру: писатели, мастера польского слова, такие, как Тувим, Слонимский или Лесьмян, выдающиеся ученые, такие, как Хиршфельд, Тарский, Инфельд, выдающиеся музыканты, замечательные врачи и юристы. Гитлеровский геноцид довел еврейскую общину в Польше и других оккупированных странах почти до полного уничтожения, жертвами этого преступного режима пали и миллионы поляков-неевреев. Почти невозможно поверить, что сегодня в Польше, где в результате истребления при оккупации и послевоенных волн эмиграции осталась всего горстка евреев, до сих пор находится место для темных людей, повторяющих антиеврейские лозунги и идиотскую ложь. Конечно, этих темных людей нельзя отождествлять с культурной жизнью нашей страны, где делается много усилий, чтобы охранять памятники многовекового сосуществования, изучать историю еврейского народа и т.п., но распространение антиеврейских лозунгов покрывает позором нас всех. От этой грязи, к сожалению, не свободны и католическая Церковь — несмотря на множество чрезвычайно ясных высказываний Папы, а также наших священников и епископов.

*

Некоторые говорят, что у евреев горестные заслуги перед нашей страной в послевоенные годы. Это верно: некоторые евреи принимали участие в преступных делах сталинского режима. Не говоря, однако, о том очевидном факте, что участие в этом они принимали не потому, что были евреями, а потому что были коммунистами, как статистические, так и исторические данные показывают нам несомненно, что среди этих «заслуженных» было куда больше поляков, ничего общего с еврейством не имевших. Еще нам говорят: «Но евреи же ненавидят Польшу и поляков». Действительно, существуют евреи, которые относятся к Польше неприязненно или даже враждебно. Понятно, что там, где существует племенная или этническая враждебность, она никогда не развивается только с одной стороны, но всегда взаимно. По моим наблюдениям, больше всего этой враждебности среди американских евреев, которые знают о Польше не намного больше, чем поляки-жидоморы знают о евреях. Куда меньше она в Израиле, среди людей, которые когда-то жили в Польше. Можно смело предположить, что те сопляки, которым кто-то велит писать на стенах антисемитские лозунги, в жизни не видели еврея своими глазами и понятия не имеют, о чем тут идет речь.

Всякие грязные газетки и брошюры, которые выходят в Польше так же, как и всякие голоса, которые иногда раздаются среди Полонии в разных странах (в частности бредни, которые произносит председатель Конгресса американской Полонии), успешно содействуют тому, чтобы в Америке и других странах у нас была репутация темных людей, подобных авторам этого мусора.

Все это вещи хорошо известные, которые, к сожалению, все-таки приходится и следует повторять.

Оксфорд, 21 января 2002

От редакции:

Публикуемый текст крупнейшего польского философа Лешека Колаковского напечатан в лодзинском приложении к «Газете выборчей», а написан по просьбе объединения «Институт терпимости» с мыслью об участниках операции «Разноцветная альтернатива», уже три года проводимой в Лодзи по инициативе «Газеты выборчей». Несколько тысяч лодзинских школьников, студентов, политиков и журналистов во время этой операции закрашивают расистские и фашистские надписи на стенах города. Во время последней операции

состоялся бесплатный просмотр кинофильмов о духе терпимости, можно было также посетить храмы разных религий и вероисповеданий, в том числе православную церковь и синагогу.

szfg

dfgd

fgd

fg

dfg

dgf

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

• Янина Охойская из «Польской гуманитарной акции»: «[В Ираке] мы ремонтируем и оборудуем 16 школ, 7 молодежных центров, спортклуб, 6 очистных сооружений и водозаборов. Все это стоит около 650 тыс. долларов. Мы помогаем в основном на американские деньги, но помощь ассоциируется с Польшей. Безопасность? Мы живем в скромном домике в бедном квартале, ездим на скромной машине местного производства, с уважением относимся к людям, с которыми работаем, подряжаем на ремонт местные фирмы и тем самым обеспечиваем работой многих людей. Мы нужны им, а иракцы умеют быть благодарными». («Тыгодник повшехный», 23 ноября)

• Губернатор иракской провинции Карбала Акрам Аль-Ясири: «Мы благодарны полякам, командующим международными силами в нашей провинции. Они прекрасно справляются со своими обязанностями. Мы часто встречаемся с польскими офицерами. На праздники, организуемые поляками, приходит элита провинции: шейхи, старейшины, генералы. Это о чем-то свидетельствует. Наше сотрудничество складывается хорошо». («Жечпосполита», 5 дек.)

• Варшавская фирма ОПТО стала первым польским предприятием, заключившим контракты в Ираке. Один из проектов касается поставок во многие иракские города, в т.ч. в Багдад и Басру, телекоммуникационного оборудования, другой — кабелей на световодах. («Жечпосполита», 13 ноября)

• Согласно опросу ЦИОМа, присутствие польской армии в Ираке одобряют 28% поляков. Против высказываются 67%. («Газета wyborcza», 28 ноября)

• Проф. Лешек Колаковский получил премию им. Джона В. Клюге, присуждаемую Библиотекой Конгресса США. В этом году премия была вручена впервые. Колаковский был одним из двух тысяч кандидатов. Отбор продолжался два года, а в финал вышли 14 человек. По мнению жюри, «Лешек Колаковский продемонстрировал интеллектуальное банкротство марксистской идеологии в рамках советской системы. Его голос

имел фундаментальное значение для судеб Польши и всей Европы». («Политика», 15 ноября)

• Адам Михник: «Наряду с Горбачевым и Яковлевым он [Шеварднадзе] принадлежал к числу самых выдающихся деятелей перестройки. Это он изменил внешнюю политику СССР, отказавшись от доктрины Брежнева. Уже за одно это поляки должны быть ему благодарны. Я познакомился с ним в Варшаве, когда осенью 1989 г. он давал интервью “Газете [выборчей]”. Это было нечто из ряда вон выходящее: член советского политбюро беседовал с польским антикоммунистом (...) Грузия не была демократией британского типа, но она не была и диктатурой вроде Туркменистана. Если бы Шеварднадзе ушел два года назад, сегодня он был бы грузинским национальным героем (...) Шеварднадзе не понимал, что мир изменился, а вместе с ним изменилась и Грузия; что даже в условиях ограниченной демократии должны соблюдаться какие-то правила. Фальсификация выборов была нарушением всех правил (...) Он был надеждой Грузии, а стал ее проклятием. Но он ушел сам, не подвергая родину опасности кровопролития. Что ждет теперь Грузию, прекрасную страну благородных людей?» («Газета выборча», 24 ноября)

• Адам Михник: «После воскресных выборов в российскую Думу выдавший виды поляк может сделать три вывода. Во-первых, россияне выбрали такой парламент, какой хотели, и этот выбор — их личное дело. Во-вторых, на пути построения демократии они явно сделали шаг назад. Подавляющий перевес партии власти, окруженной сочувствующими ей националистическими, популистскими и откровенно имперскими силами, а также изгнание из парламента и без того слабых партий, отстаивающих демократические ценности, угрожает свободе слова, плюрализму и, наконец, самой России. Все это делает Россию более замкнутой от внешнего мира и тормозит либеральные реформы. В-третьих, перед лицом такого поворота российской политики в сторону имперской идеологии у поляков могут быть основания для опасений. В связи с этим они должны еще решительней добиваться интеграции с Западом и такими его структурами, как НАТО и Евросоюз. Европа же в целом должна заново осмыслить свою политику по отношению к Украине и другим постсоветским государствам». («Газета выборча», 9 дек.)

• Во время визита в Киев маршал Сейма Марек Боровский заявил, что позиция Польши основана на уважении к территориальной целостности и суверенитета Украины в

целом и острова Тузла в частности. («Жечпосполита», 18 ноября)

• Находясь с визитом в Варшаве, министр иностранных дел России Игорь Иванов сказал: «Речь идет о том, чтобы в процессе расширения Евросоюза избежать таких шагов, которые — пусть даже временно — ухудшили бы наши торговые связи. Именно об этом мы говорили в Варшаве. Пока что нам удалось договориться о начале соответствующих переговоров». («Жечпосполита», 27 ноября)

• «Польско-норвежский контракт, который должен был обеспечить Польше поставки альтернативного (нероссийского) природного газа, не вступит в действие». («Жечпосполита», 3 дек.)

• «Практически “Газпром” получил монополию на поставки газа в Польшу: вчера норвежский “Статойл” расторг заключенный два года назад договор (...) Контракта с Норвегией добивалось правительство Ежи Бузека (...) В начале прошлого года правительство Лешека Миллера исключило из основных положений энергетической политики государства фразу о том, что концерн “Польская нефте- и газодобывающая промышленность” обязан обеспечить прямые поставки газа из нероссийских месторождений». («Газета выборча», 3 дек.)

• По подсчетам Всепольской экономической палаты, на территории Белоруссии действует около 250 предприятий с участием польского капитала. 150 из них полностью контролируют польские предприниматели, а 25-28 — это представительства польских предприятий и компаний. Как сообщил посол Белоруссии в Польше Павел Латушка, по оценкам властей Белоруссии, в 2003 г. белорусский экспорт в Польшу, стоимость которого составила в прошлом году почти 230 млн. долларов, возрастет на 60%. Динамика польского экспорта схожа — планируется его увеличение на более чем 50% по сравнению с 2002 г., в котором его стоимость составила около 260 млн. долларов. («Жечпосполита», 12 ноября)

• Верховный суд вынес прецедентный приговор, по которому граждане Польши, чье имущество осталось на восточных землях [в результате послевоенной репатриации], имеют право на компенсацию. Право на полную компенсацию за движимое и недвижимое имущество давали т.н. республиканские соглашения 1944 г., подписанные с Белорусской, Литовской и Украинской ССР. Вследствие ошибок, проволочек и препятствий со стороны польских властей, распорядившихся государственным имуществом, около 80 тыс. репатриантов и

их наследников до сих пор не получили никакого эквивалента своей собственности. Приговор Верховного суда дал им возможность добиваться справедливости. («Жечпосполита», 22-23 ноября)

- В октябре размер средней заработной платы составил 2331 злотый. Это на 1% меньше, чем в сентябре, но на 3% больше, чем год назад. Цены по сравнению с прошлым годом выросли на 1,3%. («Политика», 29 ноября)

- «Ситуация на рынке зерна все еще нестабильна. Правда, пшеница уже не дорожает (...) зато продолжает дорожать мука. С пятницы за килограмм муки приходится платить больше злотого, т.е. на 30% больше, чем две недели назад (...) После Нового года потребители будут неприятно удивлены ценами на хлебобулочные изделия». («Газета выборча», 6-7 дек.)

- По данным Главного статистического управления (ГСУ), в период с февраля по октябрь безработица уменьшилась с 18,7 до 17,5%. («Жечпосполита», 25 ноября)

- В начале 80-х в Польше курили 70% мужчин и 40% женщин. Сейчас курят менее 40% мужчин и 19% женщин. Число курящих уменьшилось с 13 до 9 млн. человек. («Впрост», 7 дек.)

- 2% высших менеджерских должностей занимают в Польше женщины. В Евросоюзе это число составляет 2-3, а в США — 10%. В среднем звене управления женщины составляют в Польше 33, в Евросоюзе 18, а в США — 41%. («Впрост», 30 ноября)

- Из анкеты Государственной трудовой инспекции следует, что более половины польских женщин ощущают дискриминацию на работе. Уже во время собеседования 18% женщин чувствовали себя дискриминированными вопросами, касающимися их личной жизни, а 3% были вынуждены подписать заявление о том, что в период трудоустройства они обязуются не забеременеть. («Газета выборча», 29-30 ноября)

- По данным ГСУ, в 1996 г. в сфере услуг работало 42,6% всего занятого населения Польши, а в 2002 г. — уже более 50%. («Ньюсуик-Польша», 30 ноября)

- Расходы на управленческий аппарат возросли с 1,7 млрд. злотых в 1993 до 8,1 млрд. в 2003 году. В 2004 г. они должны составить 9,4 млрд. злотых. Общее число чиновников составляет 520 360 человек. («Впрост», 23 ноября)

- В начале 2000 г. только у 18% из 100 тыс. польских полицейских было законченное высшее образование. Теперь таких полицейских 24%. Желающих работать в полиции так много, что принимают почти исключительно выпускников вузов. Зарплата начинающего полицейского составляет 1300 злотых на руки. Чтобы получить средний офицерский чин, нужно проработать около 10 лет. Разница в зарплате составляет около 700 злотых. («Ньюсуик-Польша», 30 ноября)

- Согласно докладу Европейской комиссии «Образование и просвещение-2010», одна из причин слабой конкурентоспособности польской экономики и высочайшей в Европе безработицы кроется в недостатках образовательной системы, которая выпускает слишком мало людей с высшим образованием и пренебрегает профессиональной переподготовкой на протяжении всей жизни. («Газета wyborcza», 24 ноября)

- Государственная комиссия по аккредитации закрыла или приостановила набор на 16 отделений вузов из-за низкого качества образования. В семи случаях речь идет о государственных вузах, в девяти — о частных. («Газета wyborcza», 25 ноября)

- «В нынешних условиях в Польше невозможен длительный период быстрого экономического роста. Если бы ВВП начал расти быстрее, чем сейчас, оказалось бы, что высокий темп роста не может удержаться из-за запущенной инфраструктуры. У нас слишком мало хороших дорог, больших аэропортов, а многие предприятия не в состоянии совершать финансовые операции из-за отсутствия профессионалов и компьютеров». (Антоний Ковалик, «Жечпосполита», 1 дек.)

- В 2002 г. потери, понесенные в результате раскрытых экономических преступлений, составили 827 млн. злотых. В первых трех кварталах 2003 г. они составили уже 1,8 млрд. злотых. По разным оценкам, это около 80% всех потерь, связанных с нарушением закона в Польше. («Газета wyborcza», 2 дек.)

- По мнению аудиторско-консультационной фирмы «Делуатт», самые частые и опасные формы злоупотреблений на польских предприятиях — это коррупция, необоснованные закупки и манипуляция конкурсами. Это серьезная проблема польской экономики, ограничивающая приток иностранных инвестиций. («Жечпосполита», 3 дек.)

- В первом полугодии 2003 г. в судах были заслушаны дела 54 тыс. человек, управлявших машиной в нетрезвом состоянии. Обвинительные приговоры вынесены в отношении 52 тысячч. К лишению свободы приговорены 25 тысяч, однако в 97% случаев — условно. («Жечпосполита», 24 ноября)

- По данным опроса ЦИОМа, ноябрь был очередным месяцем падения популярности правительства и премьер-министра. Правительство негативно оценивают 51% поляков, а премьера — 70%. («Жечпосполита», 22-23 ноября)

- Из интервью с министром юстиции Гжегожем Курчуком: «Если “Союз демократических левых сил” (СДЛС) не перестроится сверху донизу, мне будет страшно за будущее моей партии. Наши структуры полны людей, с которыми я охотнее всего сразу бы расстался. СМИ то и дело выявляют большие или меньшие аферы (...) Нельзя бесправно пользоваться различными правами и доить государство сверх всякой меры: Польша не выдержит этого и развалится. Тогда мы окажемся в ситуации Белоруссии, а уж этого общество нам не простит». («Жечпосполита», 28 ноября)

- Министр иностранных дел Влодзимеж Цимошевич: «Ошибки, допущенные СДЛС, характерны для всей польской политической сцены. Их суть заключается в мышлении о государстве в партийных категориях, в отношении [к государству] как к вещи, которую после прихода к власти можно между собой делить. Это ведет к тому, что в отдельных политических партиях развивается сознание “осажденной крепости”. В “осажденной крепости” за своими не приглядывают — ведь нужно защищаться от чужаков. В долгосрочной перспективе это отбивает у способных, компетентных, обладающих чувством собственного достоинства людей желание активно участвовать в политической жизни. С точки зрения скандалов, проблем с прокуратурой, примитивности мышления и моральной вульгарности, такого Сейма, как нынешний, у нас не было уже давно. Я говорю обо всей политической сцене — к сожалению, также и о моей среде». («Газета выборча», 21 ноября)

- Согласно опросу ЦИОМа, если бы парламентские выборы состоялись в ноябре, первое место заняла бы «Гражданская платформа», набрав 22% голосов. Далее следовали бы: СДЛС (20%), «Право и справедливость» (14%), «Самооборона» (14%), «Лига польских семей» (6%), крестьянская партия ПСЛ (6%), «Уния труда» и «Уния свободы» (по 4%). («Газета выборча», 19 ноября)

• По данным проведенного ЦИОМом исследования уровня доверия к политикам, президенту Александру Квасневскому доверяют 74% поляков, депутату Яну Роките (члену комиссии Сейма, расследующей «аферу Льва Рывина») — 51%, а лидеру ПСЛ Ярославу Калиновскому — 44%. Меньше всего доверия вызывает премьер-министр Лешек Миллер: ему не доверяет 61% опрошенных. За ним следуют Лешек Бальцеревич с 52 и Анджей Леппер с 41% недоверия. («Газета выборча», 27 ноября)

• На вопрос института исследований общественного мнения и рынка «Пентор»: «Хотели бы вы, чтобы в будущем Иоланта Квасневская играла более заметную роль в жизни общества?» — утвердительно ответили 64% опрошенных. В случае Александра Квасневского «да» сказали 53%. Третье место занял Ян Рокита с 44%. («Впрост», 30 ноября)

• Согласно опросу Лаборатории социальных исследований, если бы президентские выборы прошли в ноябре, Иоланта Квасневская могла бы победить в первом туре, набрав 53% голосов. 14% голосов получил бы Анджей Леппер. («Жечпосполита», 17 ноября)

• «На открытии I Варшавской ярмарки искусств был выставлен, а затем продан с аукциона портрет супруги президента кисти Рафала Олбинского. Специально по этому случаю в Польшу из США прилетел автор картины (...) Однако о качестве портрета лучше промолчать: художник превратил омоложенную на несколько десятков лет героиню в куклу с пустым взглядом. Если бы не благородная цель [вырученные деньги перечислены в фонд «Согласие без границ»] и не личность изображенной, у картины не было бы ни малейшего шанса». (Моника Малковская, «Жечпосполита», 29-30 ноября)

• «Такого трогательного портрета я уже давно не видела. Солидное живописное ремесло. И эти большие розы — белая и красная! Уж не символ ли будущей президентской власти? Мастерство Олбинского оценили и покупатели. Может быть, их мобилизовало присутствие на аукционе самой натурщицы? В течение нескольких минут картина была продана за 30 тыс. злотых. Ее купил председатель контрольного совета транспортного предприятия АО «Вария» Станислав Адамский-Хвалибуг. Вот счастливец!» (Агнешка Ковальская, «Газета выборча», 29-30 ноября)

• «В канун Дня независимости 93 летняя Ирена Сендлер была награждена высшей польской наградой — орденом Белого Орла — за спасение из варшавского гетто 2500 еврейских детей». («Жечпосполита», 12 ноября)

- Посол Израиля в Польше Шевах Вейс получил награду «За заслуги перед польской культурой». («Газета wyborcza», 18 ноября)
- Экуменический фонд «Терпимость» в шестой раз присудил медали «За заслуги в деле привития терпимости». В этом году их получили Шевах Вейс, Юзеф Олексы, Георгий Папандреу, Ежи Помяновский, Ханна Свида-Земба, Кшиштоф Теодор Теплиц, Гюнтер Ферхойген и посмертно — Тадеуш Зелинский. («Впрост», 30 ноября)
- Польский совет христиан и евреев присвоил Ежи Ключеру — старому другу Папы, еврею, польскому патриоту и гражданину Италии — звание «человека примирения 2003 года». («Жечпосполита», 5 дек.)
- «Прокуратура и суд Польской Республики решили, что распространение антисемитской литературы не входит в сферу их компетенции. Таким образом в Польше — теперь уже на законном основании — по-прежнему можно продавать книги, которые объясняют, каким образом отличить еврея от не-еврея, выдвигают тезис о прогрессирующей иудаизации Церкви, а дело Едвабне считают началом “полного уничтожения Польской Нации международным еврейским капиталом”». (Кшиштоф Бурнетко, «Тыгодник повсехный», 23 ноября)
- В открытом письме о распространении антисемитской литературы, направленном семнадцатью выдающимися представителями католической интеллигенции примасу Польши кард. Юзефу Глемпу, сказано: «Мы не понимаем, как можно смириться с пропагандой ненависти на церковной территории. Нас возмущает согласие на присутствие [подобной литературы в церковных помещениях]». Письмо подписали, в частности, главный редактор «Тыгодника повсехного» о. Адам Бонецкий, бывший министр иностранных дел Владислав Бартошевский, директор Института национальной памяти Леон Керес и бывший премьер-министр Тадеуш Мазовецкий. («Жечпосполита», 3 дек.)
- «Когда примаса попросили прокомментировать письмо, он сказал: “Этим делом занималась прокуратура. Я не хочу ничего навязывать, когда речь идет об ограничении свободы слова”». («Газета wyborcza», 4 дек.)
- В Польшу из Италии привезена частица кости св. апостола Андрея, одного из учеников Христа. Таким образом Варшава стала третьим в мире местом (наряду с Патрасом в Греции и

Амальфи в Италии), где хранится частица мощей св. Андрея, чтимого как католиками, так и православными.
(«Жечпосполита», 1 дек.)

• Глава Польской православной Церкви архиепископ Савва подал на Польшу в Европейский суд по правам человека. Речь идет о 23 бывших униатских (греко-католических) храмах в Подкарпатье, используемых православными, но не являющихся их собственностью. В 1989 г. была достигнута договоренность, согласно которой католикам было передано в собственность более ста церквей. Взамен православная Церковь рассчитывала получить в собственность храмы в Подкарпатье, тем более что после войны их восстановили православные.
(«Жечпосполита», 24 ноября)

• Верующим, которые не будут давать пожертвований во время литургии, несмотря на то что у них достаточно денег, придется исповедоваться в этом. Новая, пятая церковная заповедь, которую с воскресенья 30 ноября должны соблюдать католики, гласит: «Заботься о церковной общине». («Жечпосполита», 29-30 ноября)

• Из отчета польского отделения Хельсинкского фонда по правам человека: «Часто, принимая решения, касающиеся религиозных объединений, власти консультируются с представителями католической Церкви, и окончательное решение зависит от ее мнения». («Жечпосполита», 27 ноября)

• По данным опроса ЦИОМа, только 9% поляков заявляют о своей принадлежности к какой-либо организации или обществу. Лишь 18% опрошенных участвовали хотя бы в одном собрании, касающемся общественных вопросов, по месту жительства, работы и т.п. («Жечпосполита», 25 ноября)

• К профсоюзам в Польше принадлежит 2,2 млн. человек, к спортивным организациям и клубам — 1,16 млн., к Польскому союзу рыболовов — 590 тыс., к Польскому союзу охотников — 100 тыс., к Лиге охраны природы — 230 тысяч. («Политика», 6 дек.)

• Общество вьетнамцев в Польше начало сбор денег для нуждающихся поляков. Председатель общества доктор наук Нгуен Ван Хао говорит: «Прежде всего мы хотим помочь больным и детям. Это знак благодарности полякам за то, что они симпатизируют нам и дают возможность жить в их стране». («Газета выборча», 1 дек.)

- 45 талантливых, но бедных студентов и учащихся средних школ из Одоланува в Великопольше получили стипендии местного Общества св. Мартина (покровителя городка). Стипендии в размере 350 злотых в месяц будут выплачиваться в течение всего школьного года. Стипендиальный фонд существует за счет пожертвований от фирм и частных лиц. («Газета выборча», 12 ноября)
- «Изучая газетные вырезки, можно оценить качество гражданского общества». (Эдвин Бендык, «Политика», 22 ноября)
- Пьяный 28-летний Кшиштоф П. сжег две уникальные старинные хаты (1860 и 1880 г.), стоявшие на территории музея-заповедника в Сухой близ Венгрова. Одну из них он поджег днем, вторую — вечером. («Газета выборча», 5 дек.)
- Восемь пожарных при помощи специального оборудования определили местонахождение котенка, застрявшего в вентиляционном канале, и спасли его. Жители дома, слыша мяуканье, искали котенка несколько часов. Чтобы определить, где сверлить отверстие, были использованы геофон и камера с инфракрасным излучением, применяемые при поисках засыпанных развалинами. В спасательной операции участвовали три специальных пожарных машины. («Жечпосполита», 20 ноября)
- Летом активисты Всепольского общества охраны животных «Animals» хитростью проникли на несколько боен и сняли процесс забоя свиней. В результате был создан первый в Польше такого рода фильм. «То, что я увидела, — это варварство, вопиющее нарушение закона. Я сообщу об этом в прокуратуру», — сказала Катажина Пекарская, депутат от СДЛС и председатель комиссии Сейма по делам юстиции. («Газета выборча», 13 ноября)
- Из открытого письма Виславы Шимборской и Станислава Лема главному ветеринару Польши: «Мы обращаемся к Вам в связи с выявлением случаев мучения животных в процессе убоя в присутствии врачей-ветеринаров. Уже сам по себе факт потрошения и бросания живьем в кипяток беззащитных существ достаточно шокирует, однако участие в этом людей, чьей обязанностью и призванием должна быть защита животных, вынуждает нас направить Вам это письмо (...) Ввиду компрометации учреждений, установленных для этого законом, мы решительно требуем допустить к контролю боен неправительственные организации по охране животных». («Газета выборча», 29-30 ноября)

- Сейм принял закон, благодаря которому ученые смогут ставить опыты на живых животных практически без всякого контроля. Их будет контролировать только Ветеринарная инспекция — та самая, чей представитель был заснят экологами на бойне, когда спокойно наблюдал, как живую свинью бросают в кипяток. Та самая, чьи работники признают, что у них нет ни людей, ни опыта, чтобы осуществлять надзор за экспериментами. («Газета выборча», 27 ноября)

- «Все самцы [олень] еще до рождения обречены на отстрел. Их очень тщательно считают во время ежегодных обязательных инвентаризаций охотничьих животных (...) Право на отстрел самцов продают польским и иностранным охотникам. В сезон в Польше убивают около полутора десятков тысяч самцов оленя. Пожалуй, они никогда не умирают естественной смертью. Олень должен умереть от пули», — пишет Зенон Кручинский, который сам был охотником на протяжении тридцати лет. Восемь лет назад он бросил охоту, роздал все свои охотничьи трофеи и стал вегетарианцем. («Жечпосполита», 18 ноября)

- На протяжении последних десяти лет популяция серн в Татрах уменьшилась почти в два раза — со 180 до 70 особей. Этот вид, охраняемый в Польше с 1869 г., сегодня вымирает — прежде всего из-за туризма и браконьерства. («Жечпосполита», 18 ноября)

- Анджей Залевский из «Эко-Радио»: «В Польше политический галдеж заглушает наши знания об общей экосистеме — нашем большом доме, зовущемся природой или окружающей средой. Правда, весь мир катится к чертям, но Польша — это особая страна, в которой экологическая совесть еще не проснулась». («Жечпосполита», 18 ноября)

- Войцех Эйхельбергер, психолог и психотерапевт: «Всеобщее искреннее осознание угрожающих нам экологических опасностей должно вызвать политическое и экономическое землетрясение в масштабе всей планеты. Такое осознание крайне неудобно (...) Если бы мы перестали вытеснять из сознания эти сведения, возникла бы необходимость полной переоценки целей развития цивилизации и экономики». («Жечпосполита», 18 ноября)

ЭКСПЕРИМЕНТЫ И РЕФОРМЫ

Все социалистические эксперименты приводили к упадку или даже развалу экономики

Польский Национальный банк недавно организовал международную конференцию, посвященную успехам и провалам в экономическом развитии. Конференция позволила нам ближе познакомиться с международным опытом, накопленным в этой области, а из этого опыта можно извлечь несколько выводов общего характера.

Отставание отсталых

Социалистические эксперименты всегда и везде ничем хорошим не заканчиваются. Их суть заключается в том, что государство вводит в жизнь общества значительную дозу социализма (этатизма) — то есть национализацию, рост доли бюджета в валовом внутреннем продукте (ВВП), огромный бюджетный дефицит, бюрократическое регулирование, ограничивающее сферу действия свободного рынка. Крупные дозы социализма (запрет частного предпринимательства, всеобщая национализация, замена рынка централизованным планированием) были введены в свое время в странах, уже и без того отсталых по сравнению с Западом, — в Центральной и Восточной Европе, а затем во многих странах Третьего мира (во главе с африканскими и арабскими странами). Этот исторический эксперимент кардинальным образом углубил отсталость этих стран. Однако и меньшие дозы социализма приводили к плачевным результатам. Так произошло, например, в Чили во время правления Альенде, в Великобритании после II Мировой войны вплоть до прихода к власти Маргарет Тэтчер, во Франции в начале 80-х, в Португалии в 1975-1985 гг. (в эпоху «революции гвоздик»), в Греции в 80-е годы (когда правительство возглавлял Андреас Папандреу).

Контрреволюция либералов

Либеральные реформы приводят к постоянному ускорению развития, но только в том случае, если они достаточно масштабны и долгосрочны. В противоположность социалистическим экспериментам, они ослабляют или устраняют вредное присутствие государства в экономике либо

укрепляют его основополагающие функции (введение и соблюдение хорошего законодательства). Перечень стран, которые добились успехов благодаря подобным реформам, включает в себя, в частности, Великобританию (благодаря политике Маргарет Тэтчер в 80-е годы), Ирландию 90-х, Португалию в период 1986-1996 гг., Испанию в 90-е при правительстве Х.М.Аснара. Если отвлечься от развитых стран, то с конца 70-х благодаря либеральным реформам в огромной степени ускорилось развитие КНР. В некоторых областях она стала гораздо более капиталистической страной, чем другая гигантская (по численности населения) страна — Индия, которая тоже либерализуется. Еще раньше крупных успехов достигли азиатские «тигры» — Тайвань, Южная Корея, Гонконг, Сингапур, Таиланд. В Латинской Америке бесспорным лидером остается Чили со времени свержения Альенде. В постсоциалистических странах дальше всего по пути ограничения роли государства и расширения свободного рынка пошли, по-видимому, страны Прибалтики. Они же в последние годы добиваются наиболее ощутимых успехов в экономическом развитии. Польша снизила темп либеральных преобразований в последние два-три года.

Вообще говоря, я не знаю ни одного примера сколько-то заметных экономических успехов, которым бы не предшествовали либеральные реформы соответствующего масштаба, точно так же, как не могу привести в качестве примера ни одного социалистического эксперимента, который не привел бы к нарушениям развития экономики или даже к ее краху. Проблемы, иногда возникающие в ходе проведения либеральных реформ, — как правило, результат их неполноты, а вовсе не избытка. Этот вывод не совпадает с широко распространенной в Польше тенденцией в любых трудностях (особенно в безработице) винить рыночные реформы, (а не их отсутствие). На самом же деле нетрудно доказать, что причина серьезных нарушений лежит как раз в недостаточной, а не избыточной дозе либеральных преобразований. Например, основной источник роста безработицы в последние годы в нашей стране — препятствия, чинимые попыткам глубокой либерализации рынка труда и оздоровления государственной финансовой системы. Сколько сотен тысяч людей не были бы сегодня безработными, если бы попытки провести эти реформы в 1998-2000 гг. не срывались - систематически и сознательно. Крах экономики Аргентины в 2001-2002 гг. был результатом вовсе не либеральных реформ первой половины 90-х, а как раз того, что они не коснулись государственных финансов и рынка труда. Экономический кризис в начале 80-х в Чили не уменьшил значения ранее проведенных рыночных

преобразований в этой стране, а лишь показал, что необходимы дополнительные преобразования — например, более качественный надзор за банковской системой и более эффективное законодательство, касающееся банкротства предприятий.

С дна — на поверхность

Прежний отстающий вполне может стать лидером в проведении реформ и экономическом развитии. Ирландия, которая добилась самого выдающегося экономического успеха в Европе в 90-е годы, еще в 1973–1985 гг. характеризовалась весьма слабыми экономическими показателями: медленный экономический рост, высокая безработица, значительная эмиграция. Все это было результатом быстро растущих бюджетных расходов, высокого бюджетного дефицита и избыточного роста заработной платы. Возврат к бюджетной дисциплине, снижение налогов и замедление темпов роста заработной платы превратили Ирландию в кельтского «тигра». В 90-е годы среднегодовой прирост ВВП составил там 9%, резко снизилась и безработица. Десятью годами раньше обремененная излишней дозой социализма экономика Великобритании, неуклонно отстававшая от ведущих стран ОЭСР, ожила благодаря либеральным реформам Маргарет Тэтчер. Чили до Пиночета ничем не выделялось на фоне общей латиноамериканской нестабильности и маразма, но затем благодаря ряду рыночных преобразований сумело достичь одного из самых выдающихся экономических успехов в мировой практике. Греция, в течение многих лет проводившая социалистическую политику, отставала от стран Евросоюза в отношении среднего дохода на душу населения, но в 90-е годы сделала ставку на либеральные реформы, ускорила развитие и вошла в валютную зону евро.

Однако нетрудно привести примеры прежних лидеров, пустившихся на социалистические эксперименты и скатившихся на позиции отстающих. Крупнейший среди них — по-видимому, Япония, где упорное сохранение политических влияний в финансовой системе страны полностью парализовало ее развитие. В этом отношении недалеко от Японии ушла и Германия. Их «социальная рыночная экономика» с течением времени становилась все более и более «социальной» и все менее и менее «рыночной». Результаты: медленный экономический рост, высокая безработица, высокий бюджетный дефицит, приводящий к тому, что Германия, некогда автор и инициатор бюджетных и налоговых критериев, закрепленных в Маастрихтских

соглашениях, сама нарушает эти принципы. Швеция в 60-е годы входила в число самых передовых стран в мире по доходу на душу населения, но утратила эту позицию по мере расширения шведского «государства всеобщего благоденствия». В 90-е годы в отношении экономического развития ее догнала Финляндия. Португалия в 1986-1996 гг. устранила из экономики последствия ранее проведенных социалистических экспериментов, открыла свои рынки, снизила инфляцию и добилась быстрого экономического роста. Однако после 1996 г. там восторжествовала политика высоких налогов и «жизни в кредит». В результате рост затормозился, бюджетный дефицит взлетел в заоблачные высоты, и сегодняшнее правительство реализует трудную программу стабилизации экономики.

СЕГОДНЯ У НАС ТОЖЕ ЕСТЬ РУССКИЕ ДРУЗЬЯ

Под утешительным заглавием «Табу больше нет» поместила «Газета выборча» (2003, 3 окт.) беседу русских и польских историков. В ней говорится о все большем сближении и нарастающем взаимопонимании русских и поляков. Скажем, ничего не смягчая: эта беседа — одно из немногих реальных доказательств того, что это правда. Из смягчений торчат острые кости, и приглаживанием их не уберешь.

Профессор Дурачинский признал: «...наступило сближение, но остаются и разногласия, и, честно говоря, я не знаю, что преобладает». Участники дискуссии напомнили, что не сделано самое главное: до сих пор нет совместной польско-российской комиссии историков. Ничего неизвестно о том, идет ли общая работа над новыми учебниками истории для школ и вузов. А без этого нельзя и помыслить об уменьшении пространства невежества, этой плодородной почвы для предрассудков и взаимной неприязни.

Профессор Волков из Российской Академии наук сказал: «...общества по-прежнему дают оценки в соответствии со стереотипами, — и он, несомненно прав, но тут же добавляет: — Их (стереотипов) сегодня в Польше больше, чем в России. В Польше заметны антирусские настроения, а в России антипольских настроений я не вижу». Дай Бог, чтобы так оно и было. В ответ из уст профессора Пачковского раздались поразительные слова: «...интерес к России — для нас одна из главных тем, в то время как для России Польша — второстепенная страна. У большинства россиян нет никакого мнения о Польше, потому-то в России не замечают антипольских стереотипов».

Да, отдельным россиянам Польша довольно безразлична, ибо малоизвестна: она уже перестала быть замочной скважиной в двери на Запад, ныне широко открытой. Но, включись в дискуссию кто-нибудь из «Газпрома», историки осознали бы, что для России как государства Польша — страна первостепенного значения, будучи первым соседом из НАТО и территорией прямого транзита стратегического сырья во все страны Европы. Только вот польские власти до сих пор не сумели воспользоваться этими обстоятельствами и нашим

геополитическим положением. В 1993 г. они неосмотрительно заключили с «Газпромом» невыгодное соглашение, заставляющее Польшу покупать слишком много газа без права перепродажи и позволяющее российской стороне платить за транзит существенно меньше, чем она платит другим европейским партнерам. В результате страна попала в полную зависимость от поставщика, в то время как Евросоюз требует от своих членов, чтобы из одного источника поступало не более 30% стратегического сырья. Все это и Россию толкает на старый имперский путь, и в Польше стереотипов не выпалывает.

Участники дискуссии согласились, однако, в одном важном вопросе. Проф. Лебедева считает, что «правда о Катыни стала мостом, соединяющим, а не разделяющим наши народы», а подпиливать этот мост могут только крайние националисты, такие, как Юрий Мухин. Думаю все-таки, что и здесь нужно посмотреть внимательней. Во-первых, потому что катынское дело для поляков особенно болезненно. Во-вторых, потому что именно здесь выяснилось, что у нас в России есть самоотверженные и отважные друзья, которые не хотят, чтобы честь их страны была запятнана. В третьих, потому что не только Мухин считает «черным пятном» для России то, что мы считаем «белым пятном», ждущим всей правды.

Лет десять назад Юрий Мухин напечатал в Москве книгу «Катынский детектив». Недавно столичное издательство «Крымский мост 9 Д» переиздало ее в расширенном (до 800 стр.) виде и под новым заглавием — «Антироссийская подлость». Заглавие говорит само за себя. Содержание же книги и ее цель остались прежними: восстановить в правах советскую версию катынского преступления и опровергнуть доказательства того, что польских военнопленных и арестантов уничтожили не по приказу Гитлера, а по приказу Сталина и не осенью 1941, а весной 1940 года.

Припомним некоторые детали

Доказательства эти известны — они неопровержимы и даже банальны, притом, разумеется, не только для поляков. Еще Нюрнбергский трибунал не согласился включить Катынь в список злодеяний, за которые осудили вождей Третьего Рейха. Затем вину советских властей признали все, в том числе и те, кто помалкивал во время войны, не желая ставить союзника к позорному столбу. Помалкивал Черчилль, который знал правду чуть не с первого момента, однако действия таких борцов за справедливость, как Оуэн О'Малли и сэр Бернард Брейн, в конце концов заставили парламент и правительство Великобритании признать истину. То же произошло и в США благодаря

комиссии Мэддена. Но еще красноречивей свидетельства, предоставленные той стороной, которая больше всего противилась раскрытию истины.

Давайте отвлечемся от главных документов — даже от оригинала постановления политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г., предписывающего расстрелять интернированных поляков. 14 октября 1992 г. специальный уполномоченный Бориса Ельцина, начальник российского архивного комитета Рудольф Пихоя в присутствии Чеслава Милоша вручил в Бельведере этот секретнейший пакет из архива Сталина — «пакет №1» — Леху Валенсе. В вопросах, о которых пойдет речь, не менее важными могут оказаться события, которые произошли позже и, можно сказать, на полях важных бумаг. Они дали обвинению неопровержимые доказательства. Вот хотя бы некоторые из них.

Как авторство преступления, так и число убитых — 21 857 — детально определяет записка председателя КГБ Александра Шелепина (1918-1994), поданная 3 марта 1959 г. Хрущеву и — внимание! — лично им подтвержденная в 1992 году.

В 90 е годы академик А.Н.Яковлев, недавний член политбюро ЦК КПСС, добивался осуществления договора, подписанного с Польской Академией наук. На его основе уже вышел по-польски толстый том документов о катынском деле под редакцией Александра Гейштора. Аналогичный том по-русски никак не мог выйти в свет, хотя на дворе уже стоял 1995 год. Оказалось, что книгу решили подвергнуть анализу самых независимых экспертов и послали, ясное дело, в московскую Военную академию. Секретная экспертиза констатировала: хотя книга носит явно антинациональный характер, включенные в нее документы не возбуждают никаких сомнений с точки зрения исторической достоверности.

Яковлев в конце концов своего добился, и в июне 1999 г. эта книга вышла тиражом 2 тыс. экземпляров как первая часть задуманного фондом «Демократия» четырехтомного сборника. В публикацию прозорливо включили копии документов, которые должны были войти во второй том — до сих пор не изданный.

Затмение ума

Ни этих доказательств и свидетельских показаний, ни исследований десятков ученых, в том числе и российских, Мухин во внимание не принимает. Истиной он считает исключительно версию, официально принятую в СССР в

согласии с заключением комиссии во главе с академиком Бурденко; ее конечный вывод гласил: «Данными судебно-медицинской экспертизы с несомненностью устанавливается: а) время расстрела — осень 1941 г.», т.е. время, когда Катынь и окрестности уже были оккупированы немцами. Комиссия работала в Катыни 16–23 января 1944 г., т.е. неделю.

Мухин не придает никакого значения ключевому факту, установленному Главной военной прокуратурой СССР в октябре 1990 г.: до прибытия комиссии Бурденко, сразу после того, как Красная армия освободила Смоленск, с 5 октября 1943 по 10 января 1944 г., в Катыни и Смоленске работала секретная группа офицеров и служащих НКВД. Во вскрытие тел они не вложили особого труда: мороз сковал землю и затруднял массовую эксгумацию. Датированные задним числом поддельные письма (якобы 1941 г.) были сунуты в карманы всего девяти убитым. Главная работа шла со свидетелями, особенно теми, которые уже дали показания немецкой комиссии. Все они отказались от тех показаний либо бесследно исчезли. Только один, Иван Кривоцерцев, вовремя ушел на Запад и все, что видел в 1940 м своими глазами, сумел рассказать полякам и западным союзникам. Он, Кривоцерцев, 18 февраля 1943 г. указал немцам место, где лежали зарытые трупы поляков. 30 октября 1947 г. он был найден повешенным на дереве во Флакс-Бауроне, в английском графстве Сомерсет.

Мухин продолжает игнорировать даже главное, совершенно неопровержимое доказательство. В сентябре 1989 г. несколько членов тверского «Мемориала» нашли в Медном под Калинином (как тогда называлась Тверь), на территории бывшего дома отдыха сотрудников калининского УНКВД, погребение 6311 польских военнопленных из лагеря в Осташкове. До Медного немцы, как известно, не дошли. Более того, существуют добровольные показания Д.С.Токарева, генерал-майора в отставке, а в 1940 м — начальника УНКВД по Калининской области, данные перед кинокамерой в присутствии военного прокурора. Токарев описал как прибытие «тройки» из Москвы (Блохин, Кривенко, Синегубов), так и массовые расстрелы, которыми они руководили.

Дьявол живет в подробностях

Особенное впечатление в этих показаниях производит описание снаряжения начальника комендатуры (т.е. исполнительного отдела) НКВД В.М.Блохина. Он привез два сундука: из меньшего вынул одежду палача — кожаный фартук, кожаную шапку и рукавицы до локтей; больший был наполнен «Вальтерами» калибра 7,65 — надежными

немецкими пистолетами. Эта последняя деталь имеет значение. Тот факт, что в черепах убитых поляков из всех трех лагерей остались пули этого калибра, представляет собой последний, а значит, тем более излюбленный аргумент Мухина и его черносотенных соратников. Неважно, что служебным оружием немцев был пистолет «Люгер», а у старших офицеров — «Вальтер-ПЗ8», оба — внимание! — калибра 9 (т.н. парабеллум); неважно, что при массовых расстрелах немцы использовали ручной пулемет «Шмейсер»; неважно, что поляки (а среди них и евреи), попавшие в немецкие лагеря военнопленных так или иначе войну пережили. Достаточно напомнить, что НКВД, как правило, пользовался тогда импортированными из Германии «Вальтерами» — особенно при расстрелах. Кто любит эффектные доказательства, пусть заглянет в биографию Ежова: в его сейфе в НКВД нашли коллекцию конвертов, и в каждом лежала пуля от «Вальтера» калибра 7,65. На каждом конверте была написана фамилия — Бухарин, Каменев, Рыков...

Мухин с этим доказательством справляется, высказав предположение, что тысячи тел кто-то мог привезти в Медное. Кто? Может, поляки. Или «изменники родины». Документы из «пакета №1», по его мнению, подготовил сам КГБ, чтобы втереться в доверие новой власти, той, что погубила и распустила Страну Советов. Но дело обстоит так, что как раз эта успешная организация отнюдь не впала в немилость, не подверглась ни сокращению, ни «перестройке», не перестала быть властью — центром и символом власти в своем лице. Тут Мухину кланяется унтер-офицерская вдова из «Ревизора».

Может показаться, что мы имеем дело воистину с чудачеством, не заслуживающим спора, с таким крайним случаем затмения ума, что его можно считать явлением «малой общественной вредности», как любят говорить некоторые наши органы. Проф. Лебедева считает, что «таких фанатиков никогда не удастся переубедить» и что «по обе стороны есть люди подобных взглядов». Конечно, у нас тоже есть случаи полной глухоты к чужим аргументам и к тому, что говорят факты. Правда, они выступают не в виде толстых книг, а скорее в форме лаконичных лозунгов («Долой Бальцеревича», «Москаля ничем не переменишь»). Но отрицание действительности у Мухина имеет некоторую локальную причину.

Чтобы такое сочинение, как «Антироссийская подлость», вообще могло появиться, недостаточно общечеловеческой склонности считать свои доводы справедливее всех прочих. Необходимы еще два условия. Надо быть убежденным, что

информационную монополию захватить можно. Надо иметь уверенность, что такое убеждение одобрит пассивное большинство соотечественников.

Эти убеждения — основополагающие компоненты советского мировоззрения. Сталин построил их не в фасад этого мировоззрения, а в его фундамент. За семь долгих десятилетий они упрочились. И продолжают приносить плоды благодаря силе привычки и попыткам гальванизировать их, хотя первое из вышеназванных условий стало невыполнимым.

Даже при таком положении дел книга Мухина не вызывала бы озабоченности, если бы не мелочь: как утверждает проф. Борейша в выше цитированной беседе, «почти 45% участников опросов в России оценивают его (Сталина) в конечном счете положительно». Можно считать, что из остальных 55% некоторые воспользуются случаем, который предоставил Мухин, чтобы вспомнить, чем пахнет то, что Солженицын назвал согласием «жить по лжи».

Список отсутствующих

Юзеф Чапский закончил свою статью «Катынь и оттепель», напечатанную в парижской «Культуре» в апреле 1956 г., словами: «...может быть, и мы, как некогда Мицкевич, на просторах России найдем русских друзей и с их стороны — понимание этих вопросов».

Друзья нашлись скоро. О них уже упоминалось в этом тексте. Они названы в обоих изданиях (русском и польском) сборника документов о катынском деле. О них писали Ян Новак-Езёранский, Кристина Курчаб, Петр Мицнер, Славомир Поповский, Ян Ружджинский, Михал Журавский, а также автор этой статьи — в «Политике», «Газете выборчей» и «Новой Польше».

Я считаю, что нет смысла заводить перепалку с Мухиным, Куняевым и всеми, кто компрометирует Россию ложью, клеветой и страхом перед правдой; сильный обычно правды не боится. Вместо споров с ими — следует вспомнить и достойно почтить тех, кто защищал горькую истину.

Среди них — те смельчаки из тверского «Мемориала», которые подкопались под дачу энкаведистов в Медном: Сергей Владимирович Глушков, Юрий Алексеевич Шарков, Марен Михайлович Фрейденберг. Есть Алексей Памятных, который первым начал кампанию в советской печати за раскрытие правды о катынском деле. Есть Никита Петров, который собрал

документы для московского «Мемориала». Есть Инесса Яжборовская, которая посвятила научную работу истории фальсификации доказательств вины в катынском преступлении. Есть Анна Гришина, многие годы пишущая об истории этого массового уничтожения. Есть два необычных военных юриста — Александр Третецкий и Степан Родзевич из Главной военной прокуратуры: они наконец-то провели добросовестное следствие по этому важному делу. Был Юрий Зоря, эксперт этой прокуратуры, который пустил в ход все следствие. Есть Олег Закиров, майор УКГБ по Смоленской области, который обнародовал катынские секреты и должен был искать убежища в Польше. Есть Валентина Парсаданова, Владимир Филатов — публицисты, которые первыми написали правду в научной работе, нарушая цензурный запрет. Есть Владимир Абарин, замечательный журналист, который сделал катынское дело громким. Есть ученые, исследующие катынское дело, такие, как Наталья Лебедева, Татьяна Кудрявцева. Есть Александр Николаевич Яковлев, без которого ужасающие документы не увидели бы света.

Новак-Езёранский писал в августе 2001 г.: «...я тщетно добиваюсь, чтобы этим людям были вручены высокие [польские] государственные награды в соответствующей, как можно более торжественной обстановке. Это нужно не им: они не рассчитывали ни на какую награду, — а нам самим, чтобы мы увидели это другое лицо России, внушающее надежду на лучшее будущее...»

Эхо этого призыва так и блуждает по лабиринту бюрократии — хотя известно, что свою поддержку в этом вопросе выразил президент Квасневский. Родзевича, Зори уже нет в живых. Олег Закиров три года ищет в Лодзи работу.

Постскриптум

Польский оригинал этой статьи в сокращенном варианте был напечатан в «Газете wyborчей» 12 ноября 2003 года. В ответ редакция «Новой Польши» получила:

— от председателя Совета охраны памяти борьбы и мученичества, министра Анджея Пшевозника, — заверение, что вопрос того, как наиболее достойно почтить наших русских друзей, находится в последней стадии окончательного рассмотрения, которое уже ускорено;

— от Олега Закирова — письмо, которое мы публикуем в этом номере «Новой Польши»;

— от Юрия Мухина — ответ в виде статьи, опубликованной в журнале «Дуэль» (№50). Статья состоит из двух элементов. Первый — это чрезвычайно богатый набор площадной брани, а также прямых угроз в адрес Польши, поляков и тех честных россиян, о которых мы пишем. Второй элемент сводится к монотонному повторению одного и того же утверждения: все без исключения документы, признающие виновниками катынского преступления сталинских головорезов — это фальшивки. На этой предубежденности держится все умозаключение автора. Не хватает только третьего элемента — хотя бы одного серьезного доказательства, которое могло бы опровергнуть наши вышеизложенные аргументы. В этих условиях ни о какой полемике не может быть и речи.

ЧЕМ ЖИВУТ РУССКИЕ В ПОЛЬШЕ

Несколько лет тому назад мне в руки попала удивительная газета — «Русский курьер Варшавы». Она была отпечатана кириллицей на не лучшей бумаге, пестрела рекламами врачебных кабинетов, дешевых гостиниц и ресторанов. Она приносила вести из той части света, которая для рядового поляка была материком неизвестным, а если и известным, то лишь как верхушка айсберга в виде торгашей с самого большого базара Европы, варшавского стадиона Десятилетия, или в виде людей, ищущих работу на неофициальной бирже труда для иностранцев в Пясечне под Варшавой. «Русский курьер Варшавы» показывал, что в социальном плане прибывающие — это не просто случайная масса приезжих, а люди, которые ищут своего места в Польше, не только на сегодня, но и на завтра, и навсегда. Журнал уже был своего рода институтом.

Вероятно, первым политическим эмигрантом, который попал в Польшу из России (точнее из Московской Руси), был князь Андрей Курбский, один из ближайших соратников царя Ивана IV (Грозного); князь воевал против поляков, прежде чем в 1564 г., узнав о репрессиях Грозного, перешел на польскую сторону, где был принят с распростертыми объятиями. Он даже стал одним из предводителей польских войск, сражавшихся с московским царем под Полоцком и Великими Луками. Однако Андрей Курбский прослыл не только первым известным политэмигрантом с Востока, которому Польша оказала гостеприимство. Он был человеком, который в изгнании продолжал бороться еще и словом, опубликовав, в частности, памфлет «История о великом князе Московском», направленный против жестокого царя.

Изобразить широкую панораму русской диаспоры в Польше — задача сложная. Мы имеем дело как с историческим русским меньшинством времен захвата Польши Россией и периода между двумя мировыми войнами, так и с меньшинством скорее религиозным, чем национальным, — старообрядцами. Но мы должны учесть и тех русских, которые навсегда поселились в Польше в советские времена и зачастую уже давно стали польскими гражданами; наконец, мы должны присмотреться к огромной волне тех, кто наводнил Польшу

после распада Советского Союза. Эта группа не представляет собой чего-то цельного: одни всё еще остаются пришельцами, кое-как устраиваясь на польской земле при помощи краткосрочных или даже туристических виз, другие выросли или вырастают в Польшу корнями — зачастую имея возможность выбирать различные места в Европе, эти люди все же избирают местом своего проживания нашу страну.

Снежный человек

Старообрядцы начали селиться на территории Первой Речи Посполитой после реформы православия, проведенной в 1667 г. Патриархом Никоном. Накануне первого раздела Польши на территории страны проживало около 100 тыс. старообрядцев. Перед II Мировой войной их община насчитывала 50-80 тыс. человек, у них даже был свой представитель в польском Сейме. Сегодня их плотные скопления остались близ Августова и Сувалок, а также в самом Августове и Сувалках. Небольшая группа старообрядцев проживает также на Мазурах. В 1928 г. их вероисповедание было зарегистрировано как Восточная старообрядческая Церковь, не имеющая духовной иерархии. В 1993 г. община стала называться Староправославной Поморской Церковью в Польской Республике. Церковью руководит Главный совет, а ее резиденция находится в Сувалках. Вот уже год существует Общество старообрядцев в Польше. Принято считать, что сегодня в Польше проживает более 2,5 тыс. старообрядцев.

Для некоторых русских, живущих в Польше, вопрос о старообрядцах, проживающих в нашей стране, равнозначен вопросу о снежном человеке.

Екатерина Соколова — староста деревни Бор, в основном заселенной старообрядцами, и председатель Общества старообрядцев в Польше. На вопрос, представляют ли собой старообрядцы национальное меньшинство, она отвечает, что нет, они, несомненно, меньшинство религиозное. Языковая обособленность исчезает. Люди старшего поколения еще говорят на русском наречии, молодежь — зачастую только по-польски. Однако соседи-поляки, католики, воспринимают их как «русских». На эту «русскость» указывают хотя бы их фамилии.

Во время прошлогодней всеобщей переписи населения молодежь чаще всего записывалась поляками. Сама Екатерина воспитана и живет в семье старообрядцев. Она часто встречается с людьми с востока, в какой-то степени ей понятен русский склад ума, однако трудно сказать, что она чувствует

связь с российским государством. Совсем недавно она узнала, как выглядит российский флаг. И если бы ей пришлось выбирать, то прежде всего она чувствует свою связь с Польшей, ведь и в школе ее учили: «Кто ты? Я маленький поляк...»

Ирида Грек-Пабисова, исследовательница их языка и истории, писала, что у старообрядцев сохранился псковский говор с польскими наслоениями, а у тех старообрядцев, что живут на Мазурах, — с немецкими. Екатерина Соколова с этим не совсем согласна. Старообрядцы скитались, и трудно говорить о едином для всех русском диалекте. В ее доме картофель называли «бульбой», как в Белоруссии, а соседи говорят «картошка»*. В каждом доме — немного по-другому. С современным русским языком она видит мало связи. «Когда мы говорим по-нашему, русские нас не понимают». В свою очередь их наречие даже мешает им при изучении русского языка.

Религия помогла старообрядцам сохранить родную речь и обычаи. До сих пор на субботнее мытье в бане в деревню съезжаются не только родные, но и знакомые. Труднее соблюдать другие традиции, такие, как запрет курения табака, употребления спиртных напитков или чая. Иногда приходится совершать настоящие чудеса эквилибристики, чтобы оставаться в согласии и с религией, и с наукой. Как говорил молодой наставник (духовное лицо) в одном из телерепортажей, религия учит, что Земля плоская, но в школе дети узнают, что она круглая...

В последние годы существенно улучшилось юридическое и материальное положение старообрядчества. На это повлияла и деятельность Главного совета, в который вошли молодые и образованные люди, а также возникновение Фонда имени семьи Пимоновых, учрежденного профессором Леонидом Пимоновым из Франции. Благодаря ему в Сувалках и Габовых-Грондах построены современные приходские дома, удалось отремонтировать молельню в Войнове-на-Мазурах, а еще издать два учебника. Оживилась религиозная жизнь, идет обучение детей Закону Божию (на старообрядческом наречии). После возникновения Фонда и Главного совета авторитет старообрядцев в Польше растет. Этому способствует и деятельность Общества старообрядцев, которое в основном занимается выравниванием социальных шансов старообрядческих детей.

Былое великолепие

Перед I Мировой войной на польских землях, захваченных Россией, находилось 100 тысяч русских солдат и офицеров.

Многочисленную группу составляли чиновники, а также люди, которые вели торговлю или просто работали в Польше. В 1905 году в Варшаве проживало 10% русских (т.е. русскоязычных). Они не слишком хорошо запомнились полякам, за исключением немногих, таких, как губернатор Варшавы Сократ Старинкевич или председатель дирекции Варшавских императорских театров Сергей Муханов. После обретения Польшей независимости те, кто остался, вместе с группой старообрядцев составили русское меньшинство Польши, насчитывавшее 100–140 тыс. человек. У них были свои депутаты, сенаторы, политические организации, например, основанное депутатом Николаем Серебренниковым Российское народное объединение; они издавали свою периодику, например, газету «Наше время». Группу, насчитывавшую более 50 тыс. человек, в Польше периода межвоенного затишья составляли белоэмигранты и беженцы из послереволюционной России. Среди них были заметные личности, такие, как Борис Савинков или генерал Станислав Булак-Булахович, известные писатели, например Дмитрий Философов или Михаил Арцыбашев, выдававший себя за правнука Тадеуша Костюшко. Во времена Второй Речи Посполитой у русских в Польше была широко развитая издательская сеть: от газет (например, «За свободу») и политических еженедельников (таких как «Меч») до женских и детских журналов (таких как «Очаг» или «Родное слово»). Существовали многочисленные организации, наподобие Русского общества благотворительности, которые занимались поддержкой культуры и школьного образования. В 1936 г. в Польше было 10 русских школ (в т. ч. неполные средние, гимназия и лицей). Свои организации и объединения были также у деятелей культуры (Союз русских литераторов и журналистов или Русская драматическая студия). После 1945 г. многие русские бежали на Запад, спасаясь от вступивших в Польшу советских войск. Сегодня русское меньшинство живет в основном в больших городах, таких как Варшава, Лодзь, Белосток. Это потомки русских, поселившихся здесь во времена российского владычества и послереволюционной эмиграции. Принято считать, что вместе со старообрядцами их количество колеблется от 10 до 15 тысяч человек. В 1956–1975 гг. они имели свою организацию — Русское культурно-просветительское общество — с резиденцией в Лодзи, а также филиалами в других городах, таких как Гданьск, Вроцлав и Белосток. Общество издавало ежемесячник «Русский голос».

Русское культурно-просветительское общество с резиденцией в Белостоке насчитывает около 80 членов, его возглавляет Галина Романчук. РКПО продолжает традиции организации русского меньшинства, существовавшей в ПНР. Однако его

члены считают себя также преемниками организации русского меньшинства времен Второй Речи Посполитой. Секретарь РКПО Андрей Романчук, сын пани Галины, подчеркивает, что это старейшая неправительственная организация «исторического русского меньшинства в Третьей Речи Посполитой». Она существует 12 лет (в 1991–1993 г. она называлась «Международный русский клуб»). В 1993 г. организация разделилась на РКПО, объединяющее исключительно русских, и общество «Русь», куда входят главным образом украинцы и белорусы, национальности, связанные с историческим названием «Русь».

При обществе работает литературно-музыкальный детско-юношеский ансамбль «Славяне». Оно организует выставки и лекции по истории и культуре России, экскурсии, молодежные лагеря, ежегодные Дни русской культуры в Белостоке и Варшаве, конкурсы чтецов русской поэзии и конкурсы знаний о России.

Кто же входит в РКПО? С одной стороны, часть старообрядцев, с другой — представители новейшей эмиграции, которые связали свою жизнь с Польшей больше чем на год или два, как, например, актриса Елена Рутковская, живущая в Польше уже несколько лет. Однако преобладают представители исторического меньшинства.

У общества нет своей резиденции. Оно помещается в небольшой квартире пани Романчук, загроможденной до невозможности. Раньше у них было место в депутатском помещении Войцеха Арушевского. Но он больше не депутат. Теперь имущество общества держат в трех квартирах членов РКПО. В передней хранятся костюмы ансамбля «Славяне». Возле батареи — собрание русской, в том числе церковной, музыки. Когда начнется отопительный сезон, нужно будет его переместить.

Галина Романчук — родом из семьи беженцев из пореволюционной России. Она жалуется на городские власти. Хотелось бы получить дом, некогда выстроенный русским генерал-майором. Когда поляки за границей чувствуют себя поляками, Польша это ценит, а когда они здесь чувствуют себя русскими, то на это смотрят плохо. То они белые, то красные — как для какой партии. А они чувствуют себя гражданами Польши, но русскими. Галине неприятно, когда кто-нибудь в России плохо отзывается о Польше, а в Польше — о России.

Она рассказывает о деятельности прежнего РКПО, распущенного в 1975 году. В Белостоке у них было свое

помещение. Они там всё отремонтировали, построили сцену, устраивали балы на 120 человек, была у них и библиотека. Почему же их разогнали? Потому что их называли сборищем белых. Им было велено перейти в Общество польско-советской дружбы. Они не пошли, но их имущество было отобрано и передано тем. Галина жалуется и на то, что общество сотрудничества «Польша — Восток», преемник ОПСД, не информирует их о своих мероприятиях. Не говоря уже о возврате имущества. Однако список претензий значительно шире. Это касается и телепрограммы, посвященной национальным меньшинствам. Семиминутная программа передается региональным телевидением всего раз в месяц, а ведь две трети российского меньшинства проживает за пределами Подлесья.

ПНР — полюбим друг друга

Во времена ПНР в Польшу попало немного русских. В основном это жены (иногда мужья) поляков, имеющие право постоянного проживания в нашей стране, а иногда и польское гражданство. До 1989 г. у них не было организации, которая представляла бы их интересы. Местом их встреч был расположенный на улице Фоксаль в Варшаве Советский центр науки и культуры. Там, еще до распада СССР, в 1989 г., образовалось Общество граждан СССР, постоянно проживающих в Польше, которое сегодня называется «Русской общиной». Некоторое время у «Общины» были филиалы в других городах (Вроцлаве, Лодзи, Кракове). До 1995 г. она пользовалась помещением на ул. Фоксаль. Но в том году центр лишился своего помещения и принимает посетителей в российском торгпредстве, а свои мероприятия проводит где придется. Так же, как и «Община», которая чаще всего пользуется гостеприимством общества «Польша — Восток» и созданного поляком Яном Забродским Центра славянской культуры. «Русская община» насчитывает сегодня около 70 человек. Средний возраст членов — 60 лет. В нее могут вступить говорящие по-русски граждане, постоянно проживающие в Польше, а ассоциированным членом может быть также человек, временно пребывающий в Польше.

Валентина Вуйтик, уже несколько месяцев возглавляющая «Русскую общину», договорилась встретиться со мной в одном из кафе варшавского района Прага. Заметив, что я обратил внимание на ее коротко стриженные волосы, она сообщила, что остриглась для пользы дела. Она хочет уговорить русских бизнесменов сотрудничать и давать объявления на интернет-сайтах «Общины». Речь идет о том, чтобы соотечественники,

которые не говорят по-польски или говорят, но хотят устроить какие-то свои дела, используя русский язык, знали, куда им обращаться. Поэтому она и пошла к «нашему» парикмахеру, хотя в последний раз стриглась совсем недавно. Ну а парикмахер — настоящий артист...

Валентина Вуйтик — экономист. План деятельности «Русской общины» расписан в подробностях, хотя она сама видит, что в этом деле все очень непросто. Люди отвыкли от общественной работы, у них нет времени, они не выполняют своих обещаний. Трудно находить спонсоров. Запланированные курсы русского языка для поляков и польского для вновь прибывших русских пришлось отложить. А цели «Общины» — это, в частности, помогать новоприбывшим прижиться, облегчать контакты русских с представителями других национальностей, живущих в Польше и вести культурную деятельность — прежде всего культивировать русскую культуру и традиции, развивать связи с Россией, заниматься просветительской деятельностью и помогать членам организации (например, больным или ищущим работу). Большинство членов «Русской общины» — это жены поляков, иногда уже бывшие. Эти женщины тоже нуждаются в поддержке. Осенью 2003 г. журналистка и переводчица Тамара Мацеяк, находящаяся в дружеских отношениях с «Общиной», создала интернет-сайт, на котором содержится полезная информация о «Русской общине», мероприятиях, проводимых не только ею, но и другими русскими и польскими организациями. Как говорит пани Вуйтик, возникновение этого сайта дает надежду на то, что вокруг «Общины» сгруппируются молодые, энергичные соотечественники — такие ведь чаще всего пользуются Интернетом. Хорошо складываются отношения и сотрудничество «Русской общины» с «Русским курьером Варшавы». Новая председательница старается поддерживать существовавшие ранее контакты с Церковью и домом престарелых в местечке Помехувек, совместно с обществом «Польша — Восток» организует ежемесячные концерты и спектакли (надо же поддерживать «наших» артистов). Камерный спектакль Лены Гожеляк о жизни Анны Ахматовой собрал изрядное количество зрителей, так же, как и концерт русских романсов в исполнении польки с Кавказа Людмилы Пеховской.

Преобладают намерения. Одно из самых важных — улучшить отношения с посольством РФ и действующим при нем Российским центром науки и культуры. Валентина Вуйтик считает, что представительство России почти не замечает «Русскую общину» и живущих в Польше российских

иммигрантов, хотя она и видит какой-то прогресс после того, как был принят закон о соотечественниках, проживающих за границей. Галина Щигель, бывший председатель «Общины», работавшая в ней с самого начала, заместитель начальника русской редакции радио «Полония», недавно получившая от министра культуры Польши звание заслуженного деятеля культуры, говорит, что часть трудностей в сотрудничестве с посольством или консульством торжества приглашали не только руководство организации, но и ее рядовых членов.

Путеводитель по неизвестному континенту — и на Висле Европа

По оценочным данным, в 1990-1993 гг. в Польшу с востока въехало 37 млн. человек, большинство составляли люди из бывшего СССР. Подавляющее большинство прибыло с целью заработка. В начале 90-х пробавлялись в основном торговлей. Другой способ заработка — случайная работа. Эти торговцы и работники не собираются оставаться в Польше навсегда, но создают феномен «долгосрочной кратковременности». Возрастает также число российских граждан, приезжающих в Польшу на легальную работу, а также поселяющихся в нашей стране надолгий или даже на постоянное жительство. По данным министерства внутренних дел и администрации, в 1998-2002 гг. визы с правом на работу получили более тысячи российских граждан, визы на определенный срок — более 6 тысяч, а о разрешении на постоянное жительство хлопотали 553 человека — это была третья по численности группа после украинцев и вьетнамцев (получили это право 342 человека). В 2002 г. в Польшу приехали 6 млн. украинцев, 4 млн. белорусов и 2 млн. россиян. Сколько русских пребывает в Польше нелегально — не знает никто.

Ответом на прибытие в Польшу соотечественников (и бывших соотечественников из бывшего СССР) стало появление «Русского курьера Варшавы», ежемесячного журнала, который не только возникает по объективным причинам — из-за недостатка средств и помещений. Валентина Вуйтик это тоже понимает. Но она стремится к тому, чтобы для начала на проводимые могла отыскать себя в чуждом мире людям, рассматривавшим Польшу как торговый рай, но и сопутствовал тем, кто пожелал остаться здесь дольше — работать, основать фирму, поселиться.

Мы договорились встретиться с главным редактором «РКВ» в холле гостиницы. А почему не в редакции? Редактированием журнала он занимается у себя дома, тексты заказывает и

получает по Интернету. Сотрудники редакции всё делают сами, безо всякой внешней поддержки, без дотаций от российских или польских властей. Владимир Кирьянов живет в Польше с 1988 года. Он был вице-президентом польско-российской издательской компании «Орбита», работал в «Российских вестях», пишет корреспонденции для «Нового времени». Он основал «Курьер» в декабре 1991 г., когда для почти 10 миллионов граждан Украины, России, Белоруссии и других стран бывшего СССР, ежегодно посещавших Польшу, не издавалось ни единой газеты.

«Курьер», как писал Кирьянов в статье, посвященной десятилетию журнала, содержал необходимую информацию для блуждавших в раннекапиталистической действительности Польши граждан тех стран, которые только начали освобождаться от социализма. Кирьянов подчеркивает, что туристы с востока очень отличались от западных: почти все получатели единственного периодического издания на русском языке приезжали в Польшу, чтобы торговать. Они были полны впечатлений, поэтому он все-таки рискует называть их туристами.

«В тот период, — вспоминает Кирьянов, — восточным туристам не было к кому обратиться за простейшими сведениями. Каждый второй платил штраф в трамвае, так как пробил билет с неправильной стороны или не оплатил провоз багажа». Они публиковали перечень необходимых телефонов, адреса аптек, больниц, ночных магазинов, таможенные сведения, информацию о варшавских рынках, советы, как получить приглашение в Польшу или визу. Они даже напечатали карту Польши на русском языке с обозначением шоссе и железных дорог и названиями всех воеводских центров.

Сегодня многое изменилось. Знаменем времени стало появление в «Курьере» новых тем. Пишут об иностранных инвестициях в Польшу, об истории страны, кинофильмах, событиях культурной жизни, рекламируют гостиницы, рестораны, ночные клубы, туристские агентства. Одновременно они хотят быть и журналом для всех, и изданием для русского меньшинства. Кирьянова возмущает то, что члены РКПО считают, будто журнал представляет торговцев, высокомерно называемых «челноками».

«Курьер» — общепольский журнал, распространяемый в киосках, на лотках, в книжных магазинах и по подписке. Он доступен в местах, посещаемых бизнесменами: в гостиницах, ресторанах, больших магазинах, международных автобусах и

поездах, в представительствах, а также в самолетах «Аэрофлота», в посольстве и консульствах России, на пограничных пунктах. Его читают русские и поляки, составляющие значительную часть подписчиков газеты, дипломаты, представляющие не только Россию, но и Украину, Белоруссию, Армению, студенты с востока, владеющие русским языком сотрудники польских фирм.

Они просуществовали дольше всех подобных изданий. Кирьянов подчеркивает, что другие попытки издания периодики на русском языке, как правило, оканчиваются после выхода в свет нескольких первых номеров. Станет ли он пророком? Этот вопрос я задаю Ирине Корнильцевой, перед которой лежит уже третий номер газеты с многозначительным названием «Европа.ру».

По своему характеру две эти газеты коренным образом отличаются друг от друга, они обращены к разным читателям. «Курьер» интересуется людьми, которые попали в Польшу главным образом по жизненной необходимости. Читатели же «Европы.ру» — скорее люди, хорошо устроенные в жизни, тоже необязательно те, кто намеревается провести в Польше всю жизнь, но не потому, что у них нет выбора. Это туристы (в основном с набитыми бумажниками), но главным образом это бизнесмены, которые связывают вхождение Польши в Евросоюз со своими собственными жизненными надеждами. Это предприимчивые люди, знающие мир и интересующиеся им наравне с тем, что происходит у них на родине, зачастую наполовину там живущие, имеющие право временного проживания, иногда получившие его недавно, как это было с Ириной Корнильцевой, вместе с мужем основавшей в Польше мебельную фирму и рекламное агентство. Кстати, не где-нибудь, а во Дворце культуры и науки, нелюбимом варшавянами подарке Сталина. Но по соседству с английской чайной.

Ее журнал выходит на хорошей бумаге, в цвете, да и стоит в несколько раз дороже «Курьера». Все для того, чтобы богатый русский пассажир, который подойдет в аэропорту к газетному киоску, не постеснялся купить. Журнал уже появился на лотках, рекламировался по-русски по региональному телевидению. В «Европе.ру» мы найдем курсы валют, прочтем о покупке английского футбольного клуба российским миллионером, сравним уровень жизни в различных странах мира, узнаем о туристических развлечениях в Польше. Корнильцева говорит, что в Польше есть гостиницы, где 80% гостей составляют российские граждане.

Это русские нового поколения. Те, кто приехал 20 лет назад, бежали из бедной страны. Ирина Польшу выбрала. Сергей Станкевич, бывший советник Ельцина, рассказал журналистке газеты «Жечпосполита» Майе Нарбут, что он мог бы жить где угодно, однако выбрал Польшу не только из-за своих польских корней: «Хорошая страна в такой хороший момент, какого уже давно не было в ее истории».

Ностальгические встречи в сауне

В Польше найдется немного мест, где можно подышать воздухом настоящей России. Недостает русских клубов, дискотек, ресторанов, кафе, а те, что называются «русскими», содержатся отнюдь не русскими и кроме национальных блюд имеют с Россией мало общего. Остаются молдавские, грузинские рестораны. То же и с культурной жизнью. Выдача на дом русских книг на варшавском стадионе Десятилетия, мероприятия в Центре славянской культуры, где также можно купить либо прочесть русские книги и газеты, книжный магазин «Русская книга», мероприятия, организуемые Русским центром науки и культуры — все это капля в море. В небольших городах положение еще хуже. Остается русское кабельное телевидение, однако с доступом к нему тоже бывают трудности.

«Сюда может прийти каждый — русский, еврей, поляк, украинец, армянин», — говорит Игорь Благообразов, врач из Петербурга, шесть лет живущий и работающий в Польше. Два года назад вместе с французским другом, влюбленным в Россию, они создали в Варшаве неформальный «Клуб 12 стульев». Сперва встречи носили скорее культурный, нежели дружеский характер (концерты, музыка). Теперь преобладает желание повидаться, поговорить по-русски, спеть, послушать русскую музыку, потанцевать. Бывают и выступления — например, когда я там был, в клубе пел исполнитель народных песен Михаил Федоров. Состоялся показ моды. Иногда кто-нибудь читает стихи. Однако некоторые русские не желают ходить в клуб, уверенные, что там читают то, что, как говорится в анекдоте, читал Чапаев. Собравшиеся вместе угощаются: каждый приносит, что может, и хорошо, когда есть еда, напоминающая родину. Меня угостили солеными помидорами. С ностальгией вспоминал такие помидоры один из украинцев.

Ходят сюда больше ста человек. Поляки, американцы, белорусы, украинцы, армяне, грузины, русские, даже чеченцы. Приходят работники российского посольства. Кто-то приехал из

Казахстана, кто-то — из Азербайджана. Есть такие, что постоянно живут в Польше, но есть и те, что проездом.

Благообразов говорит, что встречи в клубе духовно поддерживают тех, кто тоскует по родине, по семье. Здесь всегда можно развеяться, на время оторваться от работы, трудностей эмигрантской жизни, от своего скитальчества. Помогают здесь иначе, чем в «Русской общине». Собрания клуба всегда проходят в первую пятницу месяца, в небольшой гостинице «Твардовский» в варшавском районе Прага. Владелец гостиницы — меценат не только клуба, но и многих из тех, кто здесь появляется: живописцев, чьи полотна украшают стены, музыкантов. Он финансирует издание диска Федорова.

Игорь Благообразов благодарен Владимиру Кирьянову, так как благодаря публикациям «Курьера» это начинание нашло подражателей. Он был приглашен на встречу подобного клуба в Жешув (его создают главным образом преподаватели и студенты местной кафедры русского языка и литературы). Возникают и другие клубы, например во Вроцлаве. Члены небольшого клуба в Быдгоще встречаются... в сауне. Однако не везде людей удастся привлечь к деятельности. В одном из номеров «Курьера» напечатано весьма драматическое письмо из Грудзёндза. Циля Томашевская пыталась организовать клуб в своем городе. Помешали жизненные, бытовые проблемы, трудности во взаимопонимании внутри небольшой русской общины.

Однако кое-где кое-что все-таки происходит. В Зеленой-Гуре зарегистрировано общество «Россияне». Подобные общества создаются и в других местах. Благообразов подумывает о создании Чайного клуба — возможно, у себя на работе, где он располагает большим кабинетом. Галина Щигель считает, что нынешние обстоятельства благоприятствуют новым начинаниям. Русские перестают стесняться своей национальности, своей культуры. Другие указывают на рост интереса к русскому языку и культуре среди поляков. Она мечтает об организации всепольского конгресса русской диаспоры. По примеру Полонии. О «Русской общине», в которой она проработала много лет, она отзывается как об организации немного отставшей от своего времени: в нее не могут вступить люди с временным видом на жительство, самые предприимчивые, активные, с идеями. Такие, как Корнильцева. При ее участии создается общество «Русский дом», основанное частью членом «Русской общины».

Корнильцева мечтает о Клубе русских жен, клубе друзей газеты «Европа.ру», проведении русских балов...

Описывая жизнь различных русских организаций в Польше, я застал момент оживления, рождения новых замыслов и инициатив. У некоторых еще нет названия, другие названы, но неизвестно, долго ли просуществуют. Бывают споры — иногда трудно понять источник недоразумений, порой разница интересов видна, как на ладони. Многие начинания возникают как бы наперекор тем, кто принадлежит к исторически другой группе; многие из тех, кто пытается что-то создать, ничего не знают о попытках, предпринимаемых другими. Некоторые сотрудничают друг с другом, другие не хотят иметь с кем-то ничего общего. Такое положение дел в эмиграции нормально. Поляки, живущие за пределами своей страны, испытывают то же самое. Хотя некоторые из российских граждан завидуют полякам из-за того, что им удается создавать организации, объединяющие различные группы. Иногда они прибавляют к этому, что им хотелось бы, чтобы Российская Федерация, подобно тому, как это делает польское государство, поддерживала своих соотечественников на чужбине.

Страницы, на которых можно найти информацию о российских начинаниях в Польше:

wspolnotarosyjska.pl

www.megaone.com/rkw

www.rkw.3w.pl

МАРЕК НОВИЦКИЙ

Борясь за человечность, он помогал «удерживать мостик между землей и небом». «Закон был для него границей, а не инструментом власти», — сказал Сергей Ковалев на похоронах скончавшегося 10 октября 2003 г. Марека Новицкого, правозащитника, президента Хельсинкского фонда прав человека. Людмила Алексеева, прощаясь с Новицким, назвала его учителем, который взрастил сотни правозащитников на территории всей России.

Марек родился в 1947 году. Его отец, ученый, был офицером разведки Армии Крайовой, участвовал в Варшавском восстании.

В одном из интервью Марек сказал:

«Моя жизнь складывалась из трех увлечений — остальное отходило на задний план. Первым был альпинизм, вторым — физика, третьим — права личности, защита права человека быть самим собой, защита неповторимости каждого. Эти увлечения наступали по очереди, они определили три периода моей жизни».

В школе, по его собственным словам, Марек был непослушным и дерзким. Даже свою чрезвычайную начитанность он сумел сделать источником конфликтов. Он ненавидел приказы — запреты переносил легче. Получив в четверти двойку по физике, Марек решил доказать, что он не идиот, как назвал его учитель. Взялся за учебу и... победил на физической олимпиаде, благодаря чему мог поступать на физический или математический факультеты без экзаменов. Аттестат зрелости он получил в варшавском лицее им. Рейтана. Он, правда, думал пойти по другой линии, например на юрфак, но с обеспеченным студбилетом предпочел поехать в горы, вместо того чтобы сидеть над книгами, готовясь к вступительным экзаменам.

В то время горы были его страстью. В 14 лет — конечно, прибавив себе возрасту — он записался на альпинистские курсы при Высокогорном клубе. Как он рассказывал, ему это разрешили умные родители, видевшие, что непослушный сын нуждается в адреналине: они пришли к выводу, что хотя бы там он не будет хулиганить. Он занимался альпинизмом в

Альпах, в Азии, но больше всего в Татрах, где даже разработал несколько новых маршрутов восхождения. Вместе с другими альпинистами из Варшавского университета он стал одним из создателей студенческого альпинистского движения: сначала был создан Университетский альпинистский клуб, потом Федерация студенческих альпинистских клубов, которую Марек возглавил. Он участвовал в реформе системы альпинизма в Польше, в 1974-1977 гг. работал в правлении Польского союза альпинистов, а потом занимал различные должности в его комиссиях.

Он воспитывался в доме, куда политике не было доступа. Поэтому молодой Новицкий держался в стороне от общественно-политических дел. Правда, в марте 68 го он бастовал вместе с другими студентами Варшавского университета, но, по его словам, не очень понимал, в чем собственно дело. Он жил любовью к горам, а потом влюбился в физику. Окончив университет, он был оставлен при нем ассистентом и специализировался по экспериментальной ядерной физике. Во второй половине 70 х Марек Новицкий поехал на длительную стажировку в Дубну, в Объединенный институт ядерных исследований. Он неплохо знал русский — как он говорил, благодаря песням Окуджавы, Галича и Высоцкого. Пребывание в Дубне принесло плоды в виде не только собранных материалов для диссертации, но и немалых знаний о тоталитарном государстве.

В Дубне Марек Новицкий не ограничивался контактами с местными учеными. Правда, он не имел права путешествовать без специального разрешения, но он купил советскую одежду, велосипед и начал ездить по окрестностям, разговаривать с людьми. «Я понял, что коммунизм — иной, чем тот, который я знал в Польше, — способен сделать из человека: не из такого, что в псевдоэлегантном костюме гуляет по Москве или Ленинграду, а из жителя маленького заплеванного городка... Заканчивая свое пребывание в Дубне, я знал, что полученные знания должен как-то использовать».

В Польшу Марек вернулся в начале 1980 года. После августа 80 го он тут же включился в работу оппозиции в Мазовецком [Варшавском] региональном правлении «Солидарности». Ездил на организационные и выборные собрания на предприятия, возглавил комиссию по посредничеству, которая помогала разрешать конфликты между дирекциями предприятий и членами профсоюза. Стал также заведовать отделом технической организации актов протеста, то есть занимался организацией протестов, забастовок, уличных демонстраций. В

ночь с 12 на 13 декабря, когда было введено военное положение, его взяли в помещении регионального правления и интернировали.

Выйдя из лагеря, Марек Новицкий вернулся в Варшавский университет, но на самом деле его поглощала подпольная деятельность. Он настолько в нее втянулся, что в конце концов отказался от работы в университете.

Он основал подпольное издательство «Нейтрино» и был редактором ежеквартального журнала «Законность. Тексты о праве и несправедливости» — разумеется, тоже подпольного.

В декабре 1982 г. вместе с группой интеллигентов-правозащитников Марек Новицкий учредил в Польше Хельсинский комитет. Эта подпольная организация, обладавшая хорошо организованной сетью информантов по всей стране, составляла доклады о правопорядке в ПНР и нарушениях международных норм в области прав человека. Первый доклад, названный «Польша в период военного положения», комитет составил в 1983 году. Текст был передан на Запад, переведен и распространен среди правительственных делегаций на проходившей в том же году в Мадриде конференции ОБСЕ. Благодаря документам комитета такие международные организации, как ООН, ОБСЕ, МОТ, были информированы о положении в Польше.

В 1989 г. Хельсинский комитет начал действовать открыто и создал Хельсинский фонд прав человека. Марек Новицкий стал его президентом. В одном из интервью он говорил:

«Мы хотели создать независимое от государства учреждение, занимающееся исследованиями и просвещением в области прав личности. Тогда это еще не было возможно юридически, поэтому мы выбрали форму фонда как слабее всего контролируемую государством».

На протяжении своей деятельности комитет и фонд приобрели несомненный авторитет и принадлежат теперь к самым важным общественным организациям в Польше и во всей Европе. Марек Новицкий занимался как экспертной работой, так и просвещением в области прав человека. Правда, он был юристом-самоучкой, но за долгие годы, посвященные этой тематике, стал крупным специалистом. Его многократно приглашали в качестве советника и международные организации, и польские законодатели. Он был одним из авторов проекта «Хартии прав и свобод» и членом

консультативного совета по правам человека при министре иностранных дел.

С 1994 г. Марек Новицкий занимал должность эксперта по человеческому аспекту при ОБСЕ, в 1997–2000 гг. был экспертом ООН по национальным планам просвещения в области прав и свобод человека. Он очень много сделал для правозащитного движения в странах бывшего СССР, где стал символом мирной борьбы за достоинство и права личности. Его волновало положение малых народов, борющихся за свое выживание под чужеземным господством, в частности тибетцев. По приглашению его фонда в Польше дважды побывал Далай-лама. В последнее время Марек заинтересовался исламом, чтобы помогать строительству демократии в мусульманских странах без ущерба для религиозного самосознания.

Особой заботой Марека Новицкого было просвещение в области прав человека. По его инициативе была создана Школа прав человека Хельсинского фонда, где он стал самым любимым преподавателем. Он был автором ряда публикаций и сценариев фильмов, посвященных истории и философии прав человека, а также книги «Что такое права человека».

«На права человека, — писал Марек Новицкий, — чаще всего ссылаются политики, стремясь доказать свои, зачастую противоположные взгляды. Между тем права человека стоят над политикой, они универсальны. Невозможно делить их на буржуазные и социалистические, христианские или либеральные. Права человека определяют, чего не имеют права делать власти с подлежащим им человеком, причем неважно, кто держит власть — король, диктатор, единственная партия или демократически избранный парламент. Права человека всегда указывают границы их власти».

В «Газете выборчей» после смерти Марека Новицкого написали:

«Его интерес к правам человека, подобно альпинизму или оппозиционной деятельности во времена ПНР, был вызван тем огромным значением, какое он придавал свободе и достоинству. Сам он был человеком независимым — это одна из причин, по которым после 1989 г. он решил быть активистом, а не правительственным чиновником, хотя многие его знакомые пошли править страной. В Третьей Речи Посполитой он, будучи активистом, строго следил за их деятельностью».

Он несомненно обладал огромным авторитетом у людей, находящихся в разных местах политической сцены. В 1996 г.

Марек Новицкий был награжден медалью св. Георгия, которую присуждает редакция «Тыгодника повсехного».

О ДЕМОКРАТИИ И ТЕРПИМОСТИ

У нас в Польше правит большинство — это ясно. У нас демократически избранный президент, демократически избранный парламент. Надо, однако, не забывать, что правление большинства может быть необычайно жестоким устройством, разрушающим личности и социальные группы. Так в истории бывало.

Чтобы не ходить далеко за примером: Сократ был осужден на таком демократическом процессе, что трудно и отыскать столь же демократическую процедуру. Несколько сот свободных граждан Афин признали его виновным.

Демократия и правление большинства — невероятно деструктивный процесс из-за того, что каждый из нас прежде всего обладает чертами меньшинства. Каждый из нас — женщина, мужчина или ребенок, тот — алкоголик, у той — муж-алкоголик, этот живет возле завода, который своим дымом отравляет окрестности, тот — рыжий, этот — блондин, у каждого свои характерные черты, описывающие его как личность, и 90% их — черты меньшинства.

Зато если мы отдаем правление большинству, то большинство, определяющее себя всего по нескольким чертам, весьма склонно забывать о меньшинстве, забывать о проблемах меньшинства. Потому-то большинство иногда опаснее для личностей и групп-меньшинств, чем бывал когда-то абсолютизм.

Теперь несколько слов о понятии «терпимости».

Классическое понятие терпимости не принадлежит к лексике прав человека, так как терпимость в этом своем классическом значении входит в отношения между людьми. Нельзя сказать, что государство терпимо: это просто будет либеральное государство, которое многое позволяет. Само слово «терпимость» принадлежит к языку межчеловеческих отношений, и здесь у него есть довольно хорошо определенное значение, но его часто путают с «любовью к ближнему».

Если терпимый человек окажется в компании алкоголика, который ведет себя скандально, он подумает: меня злит, что он здесь и что он так себя ведет, я мог бы заставить его вести себя по-другому, но я этого не сделаю.

Вот суть терпимости: пусть он пьет, пусть он здесь остается, потому что он имеет право здесь быть.

В моем личном опыте терпимости важной оказалась поездка в Лондон, к моему дяде, который там жил. Польша 60-х выглядела так: все ходили в плащах-болонья с портфелем-папкой под мышкой, где лежал завтрак, и в беретике с «хвостиком».

И вот я в этом плаще и беретике поехал в Лондон. Идем с дядькой по улице, и вдруг вижу дерево, а на дереве сидит негр в розовых одежках и играет на гитаре. Я поглядел кругом: некоторые прохожие улыбались ему, другие — нет, но никто не плевался, никто на него не орал. Сидит на дереве и играет — значит, ему так нравится. Меломанам это не мешало, на дворе еще не ночь, так что ничьего покоя он не нарушал, — пусть себе играет. И вдруг я вообразил себе этого негра в Варшаве, как он сидит на дереве и играет. Какова была бы реакция народа, полиции! Это был серьезный опыт в сфере терпимости.

Потом мы проходили с дядькой возле моста. Под мостом жили бездомные. Надо прибавить, что в то время в Англии правила лейбористы и социальное обеспечение было необычайно широким. У кого не было жилья, мог получить его от муниципалитета. Но в любом обществе есть люди, которые выбирают себе нестандартный образ жизни — например, польский дзяд [нищенствующий странник], русский бродяга [по-русски в тексте], французский clochard [бездомный нищий, клошар]. И это не всегда нищий и бродяга от безвыходности — часто по выбору: он выбирает себе такой стиль жизни. Таковы были эти лондонские бездомные: они моли получить жилье, но не хотели, потому что этот образ жизни их устраивал. Под мостом стояли картонные коробки, в коробках леди и джентльмены потягивали из бутылочек, а между ними достойной поступью прохаживался полицейский и смотрел, чтобы никто их не потревожил. Граждане избрали такой стиль жизни — значит, надо их охранять.

Несколько лет спустя я попал в СССР, где проработал довольно долго. В то время одной из проблем, обсуждавшихся в советской печати, были бичи. Слово «бич» расшифровывалось как «бывший интеллигентный человек». Речь шла о людях, которые по горло были сыты этим государством, всей этой

системой. Они посылали все к чертям и уходили в тайгу. Брели топоры, пилы, гвозди, удочку. Строили избушки, ловили рыбу и так жили. Что за безобразие: гражданин должен служить государству, он не имеет права куда-то улизнуть и жить как хочет! На них устраивали облавы, вылавливали и отправляли в лагерь, ибо гражданин должен быть существом общественно-полезным. Это тоже был опыт насчет терпимости в межчеловеческих отношениях.

Пожалуй, все тоталитарные системы характеризуются стремлением создать «нового человека».

Я очень боюсь идеологических государств. Трагедия начинается, когда мы имеем дело с государством, которое обладает какой-то идеологией или религией, расцениваемой как сверхценность: в такой момент оно производит «нового человека».

Брежнев уже в 70-е годы заявил, что «советский человек» создан. Чтобы не отстать, Иосип Броз Тито быстро провозгласил существование «югослава».

«Советский человек» был не только лишен национальности — он был человеком совершенно нового общества, мыслящим совершенно новыми категориями. Тоталитарное государство стремится к стандартизации граждан. Все люди должны быть одинаковыми — моделью идеального гражданина, и при помощи всяческих инструментов каждого гражданина старались втиснуть в рамки этой модели.

В Польше шла когда-то страшная борьба с разноцветными чулками у девушек и цветными носками у юношей — против «стиляг». У кого были волосы чуть подлиннее, тот считался «стилягой», и полагалось его сажать.

Гражданин был обязан не только говорить то же, что все, но и выглядеть как все.

В крайнем варианте мы получаем общество в униформе, как в Северной Корее или коммунистическом Китае, своими телами выкладывающее на стадионах живые картины в честь любимого Вождя.

Я ношу значок, который выпустил Совет Европы, с надписью: «Каждый — иной, но все равны». Это квинтэссенция прав человека: каждый человек есть индивидуальность.

Тадеуш Нычек

ЗАВОРОЖЁННЫЙ ГАЛЧИНСКИЙ

В 2003 году исполнилось 50 лет со дня смерти поэта. К юбилею вышли трехтомные «Избранные произведения». Кто он сегодня, Галчинский, для старых и новых поляков?

Есть такой снимок: май 1964 го, набережная Щецинского порта. На набережной немалая толпа. У микрофона несколько мужчин в выходных костюмах и две женщины — мать и дочь. Вот-вот спустят на воду новое судно десяти тысячного водоизмещения. Оно называется «К.И.Галчинский». Две женщины на фотографии — Наталья и Кира Галчинские, жена и дочь поэта. Самого его нет в живых уже 11 лет.

Ни одному из послевоенных поэтов не досталось такой чести. Говорят, назвать корабль именем автора «Завороженных дрожек» предложили сами рабочие судовой верфи, чтобы увековечить память того, кто однажды решил стать одним из них, жителем Щецина. Пробыл он им, правда, недолго, несколько месяцев в 1948 г., пока тяжелый инфаркт не заставил его покинуть город, климат которого не подходил ему по здоровью. И все равно Щецин гордился тем, что хоть недолго, а жил в нем самый популярный польский поэт.

Морское судно «К.И.Галчинский» свое отслужило: оно ходило до 1995 г., после чего его продали немцам на слом. А что с самим Галчинским?

Gaudeamus igitur,

даже с крысою в компоте

Публицист и издатель Павел Дунин-Вонсович недавно провел одно исследование. Он заглянул в компьютерные блоги — витрины, в которых люди выставляют свои собственные тексты, обмениваются тем, что им нравится, выражают свои симпатии и антипатии. Он задал поисковой системе задачу составить список имен поэтов, чаще всего появляющихся в блогах. На первом месте оказался Мицкевич. Сразу за ним — священник Ян Твардовский. Потом Херберт с Милошем и Посвятовская со Стахурой. Шимборская, на удивление, была лишь на седьмом месте. А Галчинский? Галчинский — на 14 м. После Воячека, Осецкой, Кофты и... Асныка. Наравне с Галчинским был Норвид.

Значит ли это что-нибудь? Трудно сказать. Блоги — функция многих переменных. Мицкевич — это школа, а создатели блогов чаще всего еще ходят в школу. О. Ян Твардовский — с давних пор чаще всех издаваемый польский поэт; он добился даже коммерческого успеха, и в любом книжном магазине лежат горы его книг. Херберт и Милош — пароли-заклятья литературных салонов. Осецкая с Кофтой пришли из телевидения и массовых музыкальных спектаклей. Стахура и Воячек функционируют в рамках мифа «проклятых поэтов». А Галчинский? Этот легендарный Галчинский?

Амурчик-душка через подушку влетел в психушку

Еще лет 15 назад не было ни одного конкурса чтецов-декламаторов, ни одного школьного театрально-поэтического кружка и такого кабаре, где не звучал бы Галчинский или его словечки. «Привет, мадонна!», «Скумбрии в томате», «Бал у Саломона», «Сережки Изольды», «Заворожённые дрожки», «Зеленая гусыня», «Письма с фиалкой» — все это было не только названиями стихов, поэм, фельетонов или скетчей. Это были пароли с несомненным и очевидным отзывом: каждый знал, о чем идет речь, а половина знала их наизусть.

Галчинский был целым учреждением, живым театром одного актера. А может, и чем-то больше, особенно в эпоху ранней ПНР — живой вольной птицей, с одинаковой свободой садившейся на деревья в парке и уличный булыжник, влетающей через окно в комнаты портных, почтальонш, адвокатов, прачек и правительственных чиновников. Он трогал и смешил. В те времена, когда еще не существовало массовой культуры, он был ее предтечей, провозвестником. Товаром, который отлично продается и который известно как продать.

До войны редакторы журналов платили ему не глядя за каждое еще не написанное стихотворение, зная, что благодаря ему поднимут тираж. Когда в 1946 г., после пяти лет немецкого лагеря для военнопленных, он вернулся в Польшу и стал писать в «Пшекруе», невероятный читательский успех этого еженедельника в огромной степени был его личной заслугой. Люди покупали журнал и искали будь то его стихов, будь то вреза с самым знаменитым и самым маленьким в мире театром «Зеленый гусь». А другие — «Писем с фиалкой», подписанных неким Каракулиямбро, в которых этот доморощенный философ польской повседневности высмеивал нонсенсы жизни на берегах Вислы (большинство нонсенов сам же он и выдумывал).

В одной из частей «Порабощенного ума», затаенном портрете Галчинского, Милош писал, что как поэт он был совершенно отдельным на карте европейской поэзии первой половины XX века. Галчинский не принадлежал ни к какой литературной школе. Он с удовольствием мешал в своих стихах уличные и высокохудожественные мотивы, барокко и сегодняшний день, абсурд и политику, логику с нелогичностью, Моцарта с мотыльками, перееханными грузовиком. Кто другой выдумал бы такое определение: «течет величественно Висла, директорша всех польских рек»? Он играл словами и метафорами, как жонглер шариками. Он бывал безумно сентиментален, но, всерьез что-то пережив, мог выстроить из слов собор и гробницу. «Ниобея», поэма, написанная в разгар сталинизма, — одно из тех вдохновенных произведений, благодаря которым польская поэзия по-прежнему сохраняет такое необычайное место в нашей культуре.

Клеем Якова

подклеишь всякого

Галчинский не выносил литературных посиделок в кафе для посвященных, презирал авангард, эстетические эксперименты и искусство для искусства. Обожал обожание толпы и всегда подчеркивал, что пишет «для людей». И что писать — всего лишь вид услуг населению, как, скажем, портняжное дело. В этой доктрине он доходил даже до коварного цинизма:

А публика — тот самый главный суд,

Чего, увы, понять не могут дурни.

Желает шутовства, так будь как шут,

Ну а котурнов, стань же на котурны.

И ничего мы с этим не попишем:

Мы для нее кроим, и шьем, и пишем.

(...)

Итак, поэту должно под рукой

Держать журнал с желаньями народа:

Писать короткой, длинной ли строкой,

Чего не примет, а чего охота.

— писал Галчинский в 1947 г. в весьма двусмысленной поэме «Ars poetica, или Искусство стихосложения». Поэма была ироническая — достаточно закончить вышеприведенную строфу:

Как говорил философ Париоххи,

Есть в моде сумасшествие эпохи.

Соцреализм как директива писать согласно «моде эпохи» наступит в Польше лишь два года спустя, но Галчинский уже тогда чуял его мрачное дыхание. Пока что он заслонялся насмешкой, в которой было скрыто зерно истинного признания: он действительно считал словесность чем-то вроде одной из услуг населению. Чем больше она совпадала с нуждами читателя, тем лучше.

Я враг банальности в спорте. Катаюсь на коньках — от крыши

В жизни Галчинский был «королем». О его пьянках и сопутствующих им разгулах и загулах кружили легенды до войны и после. Он был непредсказуем, и ему случалось порождать идеи уровня Тиля Уленшпигеля или Сальватора Дали. Он страстно любил абсурд, театр, переодевания и псевдонимы. Это позволяло Галчинскому избегать окончательной ответственности за то, какой ему случалось делать интеллектуальный и даже политический выбор, ибо он всегда мог укрыться под маской шута. Перед войной он связался с правым «Просто з мосту» («Просто — и/или прямо — с моста»), где ему случалось печатать антисемитские стихи, хотя никаким антисемитом он не был — попросту шил по моде этого журнала. После войны — вечный энтузиаст! — он без особого сопротивления позволил втянуть свое перо в строительство социалистического счастья. Но Галчинский не был певцом режима как такового. Ему нравилось, что страна поднимается из руин, что Варшава восстанавливается, а Краков остается Краковом. Он радовался этому по-своему — кувыркаясь и подсахаривая метафоры о любимой родине.

Да, он написал панегирик Сталину. Увы, не он один. А ему всегда нужно было быть впереди — так как же не написать? Хотя было это в тот период, почти двухлетний, когда у него начались трудности с печатаньем, ибо товарищам, в тот момент вводившим доктрину соцреализма, вдруг перестали нравиться беззаботные, а местами даже двусмысленные «Зеленые гуси» и «Письма с фиалкой».

Причесывать кота на лестнице — недоразумение в прачечной

Галчинский пережил Сталина на девять месяцев. Умер он от третьего инфаркта в декабре 1953 года. Ему было всего 48 лет — он был в расцвете жизни и творческих сил. Если б он прожил еще два-три года, то дождался бы удивительных времен: польская культура, искусство, польская духовная жизнь — все превратилось в одного сплошного Галчинского. Студенческие театры и кабаре, стихи, целые журналы, эстрада и мастерские художников принялись говорить и писать по-Галчински, его стилем, языком, метафорой, шутовством, иронией. Потом пришел Гомулка, и веселая Польша снова притихла. А еще позже сделалось совсем не смешно, и так продолжается по сей день, несмотря на смену режима и ту свободу, живым символом которой был Галчинский.

Соль Варфоломея —

для наболевших ног хорошая идея

Ну и спросим: где же сегодня Галчинский? Что осталось от его стихов, поэм, повестей, рассказов, фельетонов, радиопьес, театральных пьес и пьесок для игры и чтения?

Первый том «Избранных произведений», выпущенных издательством «Читательник» в 2002 г., занимают стихи. Не все, разумеется, потому что нет хотя бы вышеупомянутой оды Сталину. Кроме того не все, включая самые знаменитые, выдержали испытание временем. Думаю, не выдержал, например, славный довоенный «Бал у Саломона», хаотическая гонка метафор. Столь же примитивная, как блокнот агитатора «Путешествие Хризостома Бульветя в Тьмутаракань» (1953). Зато горячо рекомендую другую, менее известную поэму «Народная забава», замечательный портрет довоенной рабочей Варшавы, раз в неделю устраивающей свои пресно-бравурные дионисийские празднества на свежем воздухе.

Во втором томе помещены «Театральные опыты». Радиопьесы можно пропустить, но можно и прочитать. Зато все остальное роскошно — во главе, разумеется, с «Зеленым гусем». И очень забавное либретто к оперетте «Орфей в аду» Оффенбаха. Никогда не шедшее на сцене, потому что такой сатиры на социалистическую бюрократию надлежащее учреждение попросту не пропускало.

Том третий — «Проза». Вначале — небольшая довоенная повесть, заглавие которой широко известно: «Порфирион Ослик, или Клуб святотатцев». Это — сюрреалистическое сочинение, и мы можем спокойно без него обойтись. Своей славой оно обязано разным намекам на лица и обстоятельства

довоенной Варшавы, сегодня совершенно непрозрачным. Лучше всего фельетоны, особенно «Письма с фиалкой». В основном из них взяты врезы в текст, который вы читаете. А что вы скажете о начале одной статьи: «Томас Манн начинал в “Симплициссимусе”, а кончил Нобелевской премией. Я начал в “Цирулике” [“Цирулик варшавский”, “Варшавский цирюльник”, довоенный сатирический журнал], а кончу, может быть, на виселице». Или: «Чиновникам срезали зарплату. Это не так уж страшно: людям головы срезали, и все было хорошо». Так можно цитировать часами.

Новинкой, а для многих наверняка сенсацией стала «Записная книжка», которую Галчинский вел в 1941 г. в немецком шталаге Альтенграбов. Книжка пролежала больше чем полвека в семейном архиве. Тут уже нет ничего смешного. Эти записки заключенного и одновременно рабочего — трудный для спокойного чтения хаос мыслей, молитв, наблюдений, чувства отчаяния и безнадежности.

**Любите, девчата, воробушка,
любите, и черт вас возьми**

Второго Галчинского не будет. Так, как он, больше писать не удастся. По крайней мере — никто не отважится. Значит, остается читать его. Хорошо, что он такой у нас был.

Перевод Натальи Горбаневской

РОССИЯ В ПРЕДДВЕРИИ СТРАШНОГО СУДА

По мнению Виктора Ерофеева, величайшее, а ныне, пожалуй, уже единственное богатство русских — их язык, полученный в дар от Бога. Вековые ценности русской речи, подобно библейскому таланту, следует сегодня не только защищать, но и приумножать. Сам писатель в этой области сделал уже очень много, особенно как исследователь русской и западноевропейской мысли и литературы.

Проклятые вопросы

Том эссе В.Ерофеева «В лабиринте проклятых вопросов» (1990), посвященный творчеству Гоголя, Достоевского, Бродского, Набокова, Селина, Рембо, стал сегодня уже классикой жанра. Относящиеся к Достоевскому страницы — это лучшее, что написано в мировой литературе, посвященной автору «Братьев Карамазовых». Оппонируя как Достоевскому, так и его демоническому герою Ивану Карамазову, Ерофеев формулирует свое этическое кредо. «Если Бога нет — не все позволено, что в сочетании с „если Бог есть — не все позволено” дает нам право сделать вывод, что человеку дозволяется не всякое действие, независимо от существования Бога». Несчастья России, по мнению Ерофеева, проистекают из того, что не получили признания три вышеприведенных силлогизма. Те, кто отверг Бога, чаще всего поступали, следуя принципу «все позволено». Метафизики, в свою очередь, занимались поисками русского бога, то есть проявления вечности в земной сфере социальных структур. Русский бог шатался, как зуб, и большевики его вырвали разом.

Происходило это все с огромным ущербом для личности и свободы человека. Россия в отличие от Запада не пережила по-настоящему свою эпоху Просвещения. Ерофеев пишет: «Не будешь уважать другого, тебя не будет. На этом контракте Запад держится двести лет». Россия же существует исключительно в той «живописной сфере», в которой Иван Грозный убивает своего сына, а мать на вопрос ребенка, что же, собственно, такое представляет собой Россия, бьет «засранца» по лицу. Свой русский рассказ под названием «Мама» Ерофеев конструирует в духе учебника по истории Российской империи для средней школы: «Почему мама не захотела ответить сыну на

поставленный вопрос? По какой причине она стала его бить? Убила ли она его в конце концов или сын все-таки выжил?» Данный фрагмент и все цитаты взяты из польского издания «Энциклопедия русской души» Виктора Ерофеева, которая на первый взгляд может производить впечатление литературного скандала в духе постмодернизма.

Серый и человеческая масса

Вопреки названию, произведение это — вовсе не энциклопедия и не дискурсивный трактат о русском складе ума. Сам автор определяет свое произведение как «роман». Здесь есть главные и второстепенные герои, есть общая фабула и действие, разбитое на эпизоды, тысячелетняя история России и ее громадное пространство от Калининграда до самого Владивостока. Главным действующим лицом и одновременно носителем той самой «русской души» — из названия — оказывается некто Серый, виновник и олицетворение всех бед и несчастий России. Это ее жестокий тиран и одновременно терпеливый папаша, мистик и эмпирик, ненавидящий русских приверженец России как сверхдержавы. Чаще всего он бьет исподтишка, из-за угла, но и сам готов покорно сносить удары. Это такой русский «всечеловек» с бородатым обликом Ивана Грозного, напоминающий при этом Петра Великого, который резал русские бороды вместе с головами. Палач и сиделка, персонификация русского народа и символ его жестокой власти. В советские времена он был диссидентом и эмигрантом, но на закате XX века умеет также вести себя как «новый русский». Одна черта у него постоянна: «Среди противоречивых истин, которые составляют сущность Серого, есть одна, кажущаяся несомненной. Это склонность к саморазрушению».

Интрига проста, как действие в виртуальном комиксе. Американская разведка (Грегори Пек) и российская разведка (Пал Палыч, на которого работает тридцатилетний бизнесмен Саша) ищут Серого, то есть персонифицированную «русскую душу», которая на протяжении столетий строила рабскую империю, тормозила реформы и способствовала цивилизационной нищете русского народа и нации. Грегори Пек, которого российский читатель может признать за alter ego Збигнева Бжезинского, делает это ради ослабления России: «Он считал, что Россия несправима и ее ослабление благожелательно для всего человечества. Любой провал России на Украине, в Прибалтике, Чечне, Ираке, где угодно, он воспринимал с облегчением». Российская разведка в своей погоне за Серым представляет в свою очередь «элиты власти»

современной Российской Федерации, власти, корни которой уходят во времена сталинских и брежневских структур: «Раньше мы были сами знаете кем, — грустно сказал Пал Палыч. — Нарушали права человека. Рубили головы. Вообще нарубили дров. А теперь идем к нормальной цивилизации. У нас не все получается, много дряни, но мы искренне стараемся и в душе — демократы». Итак, драма современной России заключается и в том, что для достижения нормальности опять требуется кого-то ликвидировать — на сей раз Серого: «В той жизни, где метро, булочная, издатели, дети, Серого нет и быть не может».

Испорченный язык и девушки

Надо признать, на сей раз Ерофеев не очень-то способствовал умножению богатства русской речи. В «Энциклопедии», наряду с историософским дискурсом, присутствуют весьма жесткие вульгаризмы и непристойное описание физиологических функций человека. Особенно достается девушкам в России, которые, как правило, «трахаются всем телом» (уточним, что данное выражение отнесено автором к француженке Сесиль. — Пер.), причем «180 дней в году». Другие цитаты приводить не стоит. Они могут вызвать рефлекс отторжения у читателя, даже если представить себе, что через испорченный язык писатель показывает деградацию самой действительности. Ерофеев утверждает, что вульгаризмы в России на протяжении столетий были неотъемлемым элементом ее лексики. Именно в них накапливалась и находила выход агрессия русского народа, переносившаяся с речи на реальность. Будучи постмодернистом, писатель стремится теперь способствовать — с помощью иронии — уничтожению вульгаризмов изнутри, превращению их в явление комическое.

Иногда это даже удается, но по большей части это бывает комизм ситуационный, который остался бы и в том случае, если бы из описания были изъяты все вульгарные выражения. Из главки «Вышний Волочек»: «Общественные сортиры в России — это больше чем трактат по отечественной истории. Это соборы. С куполами не вверх, а вниз. (...) Я много видел чудесных сортиров, они все так или иначе недействующие, подспудно обличающие философскую суету Запада, но нигде больше не видел такого византийского чуда, как в Вышнем Волочке. Там перегородка между женским и мужским отделением идет не по низу, по верху, от потолка. Голов не видно, а все остальное — как на витрине».

История футбола в России

Анджей де Лазари профессионально перевел «Энциклопедию русской души», будучи глубоко убежден в том, что это имеет смысл. В послесловии он обращает внимание на сходство энциклопедических фрагментов данного произведения с «Философическим письмом» Чаадаева 1829 года. Это полная драматизма картина России как страны, оставленной Провидением, в которой не видно прогресса, нет цивилизации и нет серьезных перспектив на будущее. То же самое и у Ерофеева, причем его пессимизм зиждется на еще более глубоком фундаменте, чем это было во времена Николая I. В главке «История национального футбола» дается описание огромного стадиона, на котором еще со времени Петра I в России идет проигранный для Европы поединок с Азией. Несмотря на усилия, прилагавшиеся Александром II, Хрущевым и Горбачевым, русский народ-нация предпочитал подчиняться Александру III, Ленину, Сталину и Брежневу. Ельцин в свой первый президентский срок еще играл по-европейски, но под конец второго растерялся, остановился и не знал, по каким воротам бить.

Выходит, Россия по-прежнему выглядит как живое средневековье, в своих наиболее характерных местах напоминая трущобы Мексики, Африки и Непала, районы наркоманов Нью-Йорка. «За фасадом большого города, в недрах „убитых“ коммунальных квартир, с гнилым серпантинном наружной электропроводки (...) где улица начинается с коридора, трубы слезятся, в уборных дворовый холод и голая лампочка, расселена Русь, которая до сих пор продолжает допетровские времена»... Неужели не найти никакого света в этой российской пещере? Неужели это Страшный суд, который вершит Ерофеев над Россией и ее будущим в XXI веке? Разумеется, нет. Литература должна здесь действовать как очистительная метафора. Для того чтобы преодолеть русскую душу, надо ее сначала реконструировать и описать по частям. Писатель боится России непредсказуемой и мистической, в которой «бандит дарит тебе шоколадку, а первоклассник отрезает тебе тупым ножом яйца».

В Европе или на дне

После 11 сентября будущее его страны видится Ерофееву в более оптимистическом свете, по уже предполагаемому принципу «или-или»: «Когда поздним вечером 11 сентября я проходил возле посольства США (...), то на асфальте увидел море цветов и зажженные свечи. Этот стихийный акт сочувствия в моей стране — уставшей и ставшей равнодушной вследствие собственных бед — нечто исключительное. (...) В этом

контексте события 11 сентября 2001 года сыграли положительную роль в истории России. Нет, россияне не сделали выбор, скорее потеряли возможность его сделать. Иного пути, кроме того, которым идет Запад, для них уже просто нет. За исключением пути, ведущего в пропасть».

В «Энциклопедии русской души» как раз и дается описание этой пропасти с исключительно откровенной беспощадностью.

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРОЙ ПЕРИОДИКИ

Упрочилась мода на монографические номера журналов, посвященных культуре: варшавская «Литература на свете» целый выпуск (2003, №9-10) посвятила Харальду Блуму, американскому «гуру» критики и теории литературы, сочинения которого все больше сближают литературоведение с литературой как таковой; быдгощский «Квартальник артыстычный» (2003, №2-3) почти целиком посвящен творчеству швейцарского скульптора Альберто Джакометти (1901-1966); краковская «Декада литератцкая» (2003, №7-8) занялась свежей новинкой — сюжетными играми, известными под английским сокращением RPG (Role Plain Games), которые, правда, относятся скорее к массовой, чем к высокой культуре, но, как утверждает во вступительной статье к номеру Тереса Валас, заслуживают внимания как с точки зрения реализма повествования, так и тем, что, требуя от игроков эрудиции, представляют собой своеобразную цезуру в изменениях массовой культуры. Похоже, что редакциям не хватает «живых» материалов, относящихся к злободневным, жгучим вопросам, обращающих внимание публики и способных вызвать споры о культуре. Царит атмосфера какой-то постмодернистской скуки или прямо маразма. Не в том дело, что эти монографические номера не заслуживают внимания, — наоборот, читать их стоит, и я читаю с пользой для себя, но в то же время все-таки задумываюсь, не лучше ли было бы эти материалы подавать в книге, а не в журнале. Журнал, как показывает само название, должен — по крайней мере, я так думаю — отражать время, в которое мы живем, не в каком-то одном аспекте, а в разнообразии вопросов и множестве высказывающихся по ним голосов.

Значит ли это, что существенные споры и дискуссии утихли? Не совсем, хотя стоит обратить внимание на то, что они все чаще протекают в замкнутом кругу, почти в стороне от общественной жизни. Так происходит с дискуссией об этике интеллигенции, которая оживленно велась еще два года назад и имеет свой смысл не только в Польше. Конференцию, посвященную этой тематике, недавно провела «Уния свободы», партия, которой все не удастся собрать 5 процентный минимум голосов, позволяющий ей, несколько

лет назад входившей в правительственную коалицию, вернуться в парламент. Эта типично интеллигентская партия, которую еще не так давно возглавлял Лешек Бальцерович, подготовила тезисы к дискуссии о состоянии польской элиты. Выписываю их из «Газеты выборчей» (2003, №290):

«Победа движения “Солидарности” пробудила большие надежды. Ожидали воплощения в жизнь ценностей, которые провозглашала демократическая оппозиция и “Солидарность”. Верили, что всеми пережитый опыт тоталитаризма и сопротивления этой системе станет фундаментом такого строя, где межчеловеческие отношения будут опираться на принципы, провозглашавшиеся Иоанном Павлом II и жившие в “Солидарности”. Этого не произошло. Разочаровали и разочаровывают политики, политические партии, деятели местного самоуправления, журналисты, а также духовенство. Плохо работают органы правосудия, суды действуют медлительно и бестолково. Общераспространенной стала уверенность, что всё, включая правосудие, можно купить. Признаком успеха в общественной жизни стали деньги. Группа людей, живущих с чувством отверженности, неспособных стартовать в гонке за успехом, тревожно растет, создавая базу преступности. Увеличиваются различия в доступе к образованию. Не хватает основополагающих жизненных образцов, нет людей, обладающих нерушимым авторитетом. Молодежь сама себя назвала поколением “ничто”. Действительно ли все так плохо? Какие меры против всего этого следовало бы принять? Какой должна быть здесь роль традиционных интеллигентских кругов? Есть ли место для либерального мышления?»

В том же номере газеты напечатана статья Тересы Богуцкой «Интеллигент в растерянности», составляющая часть этой дискуссии:

«У меня создается впечатление, что мы становимся свидетелями поведения, традиционного у интеллигентов: собираемся, чтобы свидетельствовать о проигранном деле. О деле, которое не находит поддержки, но мы знаем, правое ли оно. “Уния свободы” представляет такое требование ценностей в политике, по которому все тоскуют, но которого эти все не выбрали. Выбрали нечто совершенно иное. (...)

Схема интеллигентской озабоченности обычно содержит некоторые постоянные элементы. Первый из них — уклонение от критического обсуждения состояния общества и подсознательно классовое отношение к ценностям и обязанностям. И вот во введении в дискуссию мы читаем:

“Разочаровали и разочаровывают политики, политические партии, деятели местного самоуправления, журналисты, а также духовенство”. Прежде всего любопытен подбор категорий, от имени которых мы бьем себя в грудь. В этой рефлексивной считалке нет профсоюзников, врачей, предпринимателей, торговцев, юристов — называя первые пришедшие в голову группы и профессии, где дела тоже нехороши. Избраны для покаяния те группы, которые функционируют в мире идей, публичного слова, те, что отвечают за изъяснение общественных убеждений и чаяний. (...) Значит ли это, однако, что если бы эти группы-посредницы: политики, журналисты, духовенство — были лучше, то общество позволило бы наконец излиться своей коллективной порядочности, добросовестности, щедрости, благородству — и чего там еще в нашей жизни не хватает? Ведь непорядочность — удел всех социальных групп начиная с безработных и матерей-одиночек. И не в том дело, что среди них часто встречаются работающие налево, а в том, что на такого рода практику создалась вседозволенность. Создалась дозволенность на неуплату налогов, вымогание пособий, выдачу больничных листов по знакомству, левую работу, взяточничество врачей. Каждый из нас знает людей, которые обманывают налогового инспектора (...) и даже если мы считаем это предосудительным, то испытываем растерянность. Ибо причина всякого такого поведения — ощущение, что ты хуже: ты бедный, нуждающийся, хуже других обустроенный, — такие люди чувствуют, что имеют право добывать дополнительные средства — и это право за ними признают. (...) Этой растерянности в нравственных оценках сопутствует громкоголосая и не получающая отпора параревolutionная риторика, оправдывающая непорядочность нуждающихся. (...)

И еще одно. Если элиту не перестают во всем винить, укрепляется мнение, согласно которому решающую роль в общей жизни играет характер считанных групп и достаточно их сменить или каким-то другим способом оздоровить, как все станет хорошо. Не станет. Порядочность неделима, как и свобода, которой мы когда-то добивались. Если мы молча принимаем, что требуем порядочности от богатых, а всем остальным позволяем быть непорядочными, то процесс деморализации общества с классовым обоснованием будет развиваться все быстрее. (...)

Другой вопрос, с которым у интеллигенции хлопоты, — это капитализм и рынок. Эта причина нашего дискомфорта выражена в словах: “Признаком успеха в общественной жизни стали деньги”. Во-первых — хорошо это или плохо? Из тона и

контекста вытекает, что плохо. А если плохо, то как должно быть? Подозреваю, что в подтексте лежит память тех времен, когда деньги ничего не значили, а успех (если уж мы должны употреблять это слово) давали наука, талант, гражданские добродетели. Это был успех внутри малых элитарных кругов, которые тогда были очень важны. Но сегодня они утратили свою важность: их важность пропорциональна их численности — разве что они сумеют привлечь к своим идеям более широкие круги. (...) В нормальном обществе, где путь людей к реализации своих возможностей должен быть предельно доступным, деньги всегда будут признаком успеха. Мечтания заменить их чем-то другим — это, как доказала история, опасные мечтания. Тем не менее, возможно, следует рассмотреть, почему большие деньги вызывают смешанные чувства? И что эти чувства значат? Что лучше сидеть без денег? Что какие-то учреждения должны регулировать их количество во имя определенных принципов? Или же из дискомфорта, вызванного ролью денег, вытекает необходимость выбрать какую-то концепцию уравновешенного развития, потребительской сдержанности, надлежащих правил государственного и общественного устройства? Или, наоборот, признать стремление к зажиточности побуждающим и мобилизующим механизмом, а зато делать ударение на том, откуда деньги берутся и что с ними делают? То есть на безоговорочной честности обогащения и на способе распоряжения деньгами».

Богущая говорит неприятные и грубые истины. По существу это вопросы элементарные, и просто удивительно, что понадобилось преподать их интеллигентным людям, которым эта статья и адресована. Однако не подлежит сомнению, что как раз интеллигенция сильнее всех заражена этим «классовым» образом мыслей и чувством вины за «дурное мироустройство». Нередко она стремится искупить свою вину — и предается тем самым «опасным мечтаниям» о применении всякого рода социальной инженерии. Богущая пишет об этом:

«Искать вину всюду, только не в обществе, убеждать его в том, что оно обладает свободолюбивым и нравственным потенциалом, воспламенять к действию — это было интеллигентской задачей во времена порабощения. Эта роль интеллигенции предполагала определенное верховенство над обществом, предполагала, что обществу нужно привить те ценности, которые интеллигенция исповедует. И генерировала позицию патернализма, снисходительного к разным чертам народа, постепенно достигающего до поставленных ему задач.

Сегодня, думаю, эта функция духовного предводительства необратимо кончилась. Задача целых поколений интеллигентов выполнена, общество доросло до самостоятельности и пока что не нуждается ни в каких авторитетах. Эта взрослость может нам не нравиться, ибо жизнь, как обычно, расходится с мечтаньями, но ее надо признать и тем самым отменить льготный тариф, рассчитанный на незрелость. Ибо у интеллигенции есть другая обязанность — понимать действительность, заглядывать вперед, указывать опасности, замечать общее благо, а в случае необходимости — уметь стать против большинства, против устоявшегося мышления, против расхожих и удобных суждений».

Человек, который уже много лет старается справиться с этой «другой обязанностью», — Станислав Лем, не только выдающийся писатель, но также — о чем не все знают — многолетний (под псевдонимом) публицист парижской «Культуры», на страницах которой он систематически печатал свои размышления и прогнозы. Делает он это и сегодня в фельетонах и статьях, публикуемых в краковском «Тыгоднике повсехном» и вроцлавской «Одре».

В последнем номере «Одры» (2003, №11), в очередном фрагменте своих «Сильвических размышлений», Лем объясняется по поводу запоздания с ответами на вопросы разных редакций о текущих делах:

«В тот самый момент, когда меня спрашивали о том о сем, я пребывал в нижнем кембрии, т.е. примерно в 550 миллионах лет назад, углубившись в данные современной палеонтологии, содержащиеся в книгах двух американцев и целой пачке номеров российской “Природы”. Всё, чему я научился когда-то насчет т.н. кембрийского взрыва, во время которого животные, покинув океаны, впервые в истории Земли вышли на сушу, за последнее время углублено и уточнено. (...) необычайно интересны были для меня новые данные, объясняющие, что вторжению живых организмов на сушу предшествовало резкое окисление всей атмосферы. Вымирание прозябавших в воде организмов, для которых кислород был смертелен, привело к насыщению воздуха этим опасным элементом, и только это позволило эволюционному возникновению существ, поздние потомки которых — мы сами.

Таким образом, равнодушие как вызванного отвечать на текущие вопросы, объясняется ничтожностью этих вопросов, поскольку в перспективе миллионолетьем земного существования вопрос о премии “Нике” (главной ежегодной

литературной премии в Польше. — Л.Ш.) казался мне столь же мелким, как внутренние раздоры в Евросоюзе перед самым вступлением туда Польши. Вышеприведенными замечаниями я не отверчиваюсь и не дезертирую из рядов современного фронта событий, но попросту оно так, что в масштабе геологического времени современность выглядит всего лишь мгновением. (...) палеонтологические бездны, в которые я углубился, ни в чем не оправдывают предосудительности моих поступков. Однако это было чтение, приносившее известия, воистину способные изумить человека, ибо разъясняли, почему поиски других технологически развитых цивилизаций могут потерпеть фиаско».

А в «Тыгоднике повсехном» (2003, №50) Лем написал в «Вопросах и прогнозах»:

«Буш — не демон и не проводник на пути к лучшему будущему; он политик довольно легкого веса, который влип в ситуацию, превосходящую его горизонт возможностей (...). Впрочем, несмотря на очень дурное мнение о Буше за границей, число голосов, на которые он может рассчитывать на ближайших выборах, вполне прилично, и его переизбрание представляется вероятным».

В другом месте того же фельетона Лем пишет:

«У меня нет ни малейшего понятия о том, что случится в Центральной Европе через 50 лет. История — игра с меняющимися протагонистами и антагонистами. В XX веке глобальная ситуация была довольно проста: капитализм против коммунизма, США против СССР. Ныне мы имеем дело с началом совершенно иной игры: с одной стороны — мусульманский террористический экстремизм, с другой — мир западной цивилизации».

И, наконец, о заказе «Квартальника артыстычного» на текст о Джакометти Лем пишет:

«Я не люблю Джакометти, поэтому написал, что если хочешь выполнить скульптуру, подобную его произведениям, следует взять конопляную веревку, немного растрепать и опустить в насыщенный раствор сахара. На ней осядут комочки, она станет кострубатой, и тогда из нее можно делать разнообразные фигуры дам и господ. Милош чувствовал себя таким рискованным, когда писал о вездесущем ныне уродстве, что в конце своих заметок извинился за это перед читателями. Я извиняться не собираюсь».

Вот так Станислав Лем исполняет задачу понимать действительность и указывать опасности. Делает он это с давних пор и, как положено интеллигенту, не слишком успешно, хотя обычно бывает прав.

ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

• В канун Дня независимости 93 летняя Ирена Сендлер была награждена высшей польской наградой — орденом Белого Орла. Во время войны она спасла из варшавского гетто 2,5 тысячи еврейских детей и помогла им найти убежище на «арийской стороне». Об этом говорил один из спасенных, известный литературовед Михал Гловинский: «Максима, ставшая девизом израильского института Яд-Вашем, гласит: спасший одну жизнь спасает мир. Пани Ирена спасла от гибели 2500 детей и немалое число взрослых. Сколько же миров она спасла! Она героиня и светская святая».

• Завершающий свою дипломатическую миссию в Польше посол Израиля Шевах Вейс получил награду «За заслуги перед польской культурой». «Этот необыкновенный человек выполнил здесь миссию, вышедшую далеко за рамки роли посла», — сказал министр культуры Вальдемар Домбровский. В ответном слове Шевах Вейс отметил: «Я мог выбрать любую столицу, Берлин или Москву. Но я сказал, что хочу в Варшаву, ибо чувствую себя делегатом моего истребленного народа. Эта миссия связана с нашей общей историей».

• Председатель польского ПЕН-Клуба Владислав Бартошевский вручил Янушу Красинскому премию за творчество в целом. Красинский, бывший солдат Армии Крайовой, узник Освенцима и жертва сталинских репрессий (он просидел в лагерях девять послевоенных лет), — автор книги воспоминаний «Дань серого дня». Однако самую большую славу принесли ему театральные пьесы — прежде всего «Вышка» и «Завтрак у Дездемоны».

• Владислав Копалинский, автор «Словаря иностранных слов и выражений», «Словаря мифов и культурных традиций», «Словаря событий и понятий XX века» и ряда других словарей, — сегодня самый выдающийся польский лексикограф. Однако в 96 ю годовщину со дня его рождения издательство «Муза» напомнило о его прежнем творчестве, выпустив сборник фельетонов, которые он когда-то печатал в газете «Жиче Варшавы». Сборник называется «Мой друг Идзи». «Для нужд фельетонов, — пишет Кшиштоф Маслонь, — Копалинский создал персонаж по имени Идзи (...) который произносит

монологи на всевозможные, на первый взгляд оторванные от жизни темы. Сегодня чтение монологов этого „интегрального оптимиста” вызывает ностальгию по чему-то благородному — может быть, не более прекрасному, но уж наверняка более мудрому». Автор же следует принципу, согласно которому «фельетон, устремляясь за изменчивой, мерцающей жизнью, не может придерживаться какого-то одного образа мышления. Его основа — здравый смысл».

- Лексикографическим событием стал «Потяжный словарь самого современного польского языка» Бартека Хацинского — книга, посвященная языку юных поляков, без знания которого, пожалуй, невозможно войти в Интернет и пообщаться в одном из чатов. «Хотя Хацинский хорошо понимает молодежный польский, — пишет рецензент «Газеты выборчей», — он в совершенстве знает и язык постарше. В своем словаре он показывает, что эти неологизмы — отнюдь не дело рук неизвестно откуда напавших на нас варваров, но продолжение культурной эволюции (...) однако я, признаться, мечтаю о том, чтобы Хацинский написал вторую часть своей книги (...) с противоположной отправной точкой — словарь старого польского языка для тех, кто пользуется молодежным».

- Все чаще серьезные «взрослые» издательства печатают книги очень молодых авторов. Примером, придавшим издателям смелости, послужил крупный успех 19 летней Дороты Масловской («Польско-русская война под бело-красным флагом»). Знаменательно, что на рынке появляются все более молодые дебютанты. Пожалуй, самая молодая из них — 15 летняя Магда Михаловская, чья книга «Третий невинный» недавно увидела свет. «Конечно, это не шедевр, — пишет критик, — но от романа Магды исходит тепло родного дома, которого нет в книгах поколения „ничто”. Это хорошая книга для молодежи».

- Присуждаемую редакцией газеты «Жечпосполита» премию им. Юзефа Мацкевича получил Марек Ян Ходакевич за книгу «Эйшишки. Кулисы инцидентов, эпилог польско-еврейских отношений на восточных окраинах. 1944-1945. Воспоминания, документы, публицистика». Ходакевич — гражданин США, эмигрировавший из Польши в 1982 году. Защитил докторскую диссертацию в нью-йоркском Колумбийском университете. Занимается проблематикой польско-еврейских отношений, которой посвящена и награжденная книга.

- В Варшаве прошла XII Ярмарка исторической книги. Выбор был огромен: 70 издательств представили около 1300 наименований книг. В связи с этим рецензент газеты

«Жечпосполита» написал: «Историческая литература — самая читаемая в Польше. Согласно исследованиям, такого рода книги предпочитают 36% читателей». Среди самых популярных авторов — Богуслав Волошанский со своими книгами о тайнах II Мировой войны, Зигмунт Кубяк, столь необычно описывающий античный мир, а также Норман Дэвис, автор «Божьей игры» — книги, посвященной истории Польши. Темой его последней, изданной пока только по-английски книги стало Варшавское восстание и одинокая борьба повстанцев с немецкими оккупантами. Стоит добавить, что присуждаемую на ярмарке премию Клио получил (посмертно) Антоний Мончак за книгу «Неравная дружба». Тем временем главным хитом года стала книга Юзефа Хена «Мой друг король» — облеченная в литературную форму история последнего короля Польши Станислава Августа Понятовского.

• «Безмолвные, непокоренные. Катинская повесть» — так называется последний роман Влодзимежа Одоевского («Все засыплет, заметет», «Оксана»). Книга в известном смысле была написана по заказу Анджея Вайды, искавшего литературный материал для фильма о Катини, поэтому «в ней много неожиданных сцен и сюжетов, идеальных для кино», — пишет рецензент «Газеты выборчей» Павел Фелис. Однако роман, посвященный катынскому преступлению, рассказывает не о самом преступлении. «Одоевский пишет о том, — продолжает Фелис, — как оно воздействует на память людей, не прошедших через эту трагедию». Сам автор в этой связи сказал: «Когда-то я уже писал, чем литература отличается от документальной прозы: она задевает более глубокие пласты восприятия, в большей степени склоняет к размышлениям, надолго западает в память читателя».

• Как обычно, после вручения премии «Нике» в списке бестселлеров произошла небольшая «смена караула». На первое место вышел лауреат этой премии Ярослав Марек Рымкевич со своим сборником стихов «Заход солнца в Милянубеке». Далее следуют Рышард Капустинский с «Автопортретом репортера», а также книги Януша Л. Висневского очень необычного интернетного происхождения: «Одиночество в сети» (в оригинале «S@motność w sieci») и «Мартина». Между тем «Жечпосполита» опубликовала список писателей, чаще всего издававшихся после 1944 года. Среди польских авторов бесспорно лидирует Генрик Сенкевич. Следующие места заняли Ян Бжехва, Мария Конопницкая, Болеслав Прус и Юзеф Игнаций Крашевский.

• «Роберт Музиль сказал, что молодым людям всегда нравится искусство их сверстников. В этом нет ничего удивительного, все так и должно быть — ведь их искусство отражает их времена. Только вот бывает печально, если эти времена скверные, — написал в книге о выдающемся польском актере Збигневе Запасевиче («Защитные цвета», «Горячка») режиссер Эрвин Аксер. — Если человек сформирован лучшими временами, а попадает в скверные, он бывает грустным, и тут уж ничего не поделаешь. По-моему, именно в этом и заключается проблема Збышека. Он бывает грустным». Книга называется «Запасные маски».

• В декабре исполнилось 50 лет со дня смерти двух, пожалуй, самых читаемых польских поэтов послевоенного поколения. Юлиана Тувима и Константы Ильдефонса Галчинского разделяло почти все, а объединяло лишь одно: к ним обоим применимо столь модное сегодня слово «культовый». Годовщина Тувима была отмечена экспрессивной радиопостановкой его поэмы «Бал в опере» и двухдневной научной сессией, организованной совместно Музеем литературы и Варшавским университетом. Галчинский, как всегда строптивый, попал в театр. В спектакле Ежи Сатановского «Улица шарлатанов» молодые артисты, лауреаты конкурсов актерской песни, исполнили прекрасные лирические стихотворения поэта, положенные на музыку. «Мой спектакль, — сказал Ежи Сатановский, — это рассказ о судьбе художника, поэта настроений и очарования, пленяющего все новые поколения читателей и слушателей».

• Два польских режиссера, о которых в последнее время говорят особенно много: Кшиштоф Варликовский и Гжегож Яжина, — недавно вынесли на суд публики два очень необычных спектакля. Варликовский поставил спектакль классика еврейского театра Шимона Анского «Дибук». Он готовил эту постановку для фестиваля в Авиньоне — когда же тот провалился, показал ее во вроцлавском «Диалоге», а затем в Варшаве. Варликовский соединил пьесу Анского с произведениями Ханы Краль. В результате получился спектакль, о котором Тадеуш Соболевский пишет: «Ошеломляющую перспективу открывает соединение в рамках одного спектакля — без антракта, в одном и том же актерском составе и сценографии — двух разных пьес, двух различных по своей материи текстов, написанных в эпохи, разделенные рубежом Катастрофы, которая, как считали некоторые, повлекла за собой смерть не только человека, но и Бога. В спектакле Варликовского человек и Дибук, т.е. в каком-то смысле человек и Бог (...) встречаются в новом театре, в новом

межчеловеческом ритуале». Гжегож Яжина поставил на варшавском Центральном вокзале пьесу Джорджа Ф. Уокера «Рискни всем». «Однако речь идет не об экскурсии на Центральный вокзал — эту крупнейшую в Варшаве человеческую свалку, — пишет Роман Павловский, — а о художественном комментарии к цивилизации современного мегаполиса, о третьесортной действительности, в которой перемалываются стереотипы массовой культуры, телевидения и кино, а героями становятся человеческие отбросы. Яжина усилил эту культурную свалку и довел ее до абсурда».

• Необычную интерпретацию чеховского «Платонова» представил Польский театр из Познани. Режиссер Петр Крушинский полностью перенес действие спектакля в польскую действительность. Как пишет критик Марек Микос, в постановке Крушинского «все переживают банкротство (...) Опомнится ли кто-нибудь после этого, или просто начнется новый кон? Об этом мы задумываемся, когда на наших глазах рассыпается очередная империя подлости (...) И дело тут не в политических играх — необходимо коренным образом изменить сознание каждого из нас. Именно тогда становится ясно, для чего нужен театр».

• Овацией стоя завершилась берлинская премьера «Пиковой дамы» Чайковского, которую польский режиссер Мариуш Терлинский перенес «в мир почти точь-в-точь из немецкого экспрессионизма (...) Это трудная, требующая от актеров адовой работы, психологически конденсированная постановка, в которой истинный театр соединяется с истинно великой музыкой». Успеху спектакля способствовал и замечательный тенор Пласидо Доминго в роли Германа.

• Два самых известных современных польских композитора: Кшиштоф Пендерецкий и Генрик Миколай Гурецкий — одновременно отметили свое 70 летие. «Кшиштоф Пендерецкий родился в Дембице 23 ноября 1933 года. Он начинал как убежденный авангардист, но с течением времени перешел на классические позиции, — пишет Яцек Хаврилюк. — На II конкурс молодых, организованный в 1959 г. Союзом польских композиторов, он анонимно послал три своих произведения. Все три были награждены». Торжественные концерты в честь юбилея Пендерецкого прошли в Катовице и Варшаве. «День рождения Пендерецкого и 50 летие его творческого пути отметило также Польское радио (...) На концерте был исполнен секстет юбиляра и фортепьянный квинтет „Форель” Шуберта. 70 лет между *sacrum* и *profanum* — в этом весь Пендерецкий». Генрик Миколай Гурецкий родился 6

декабря 1933 года. Изучал композицию в катовицкой Музыкальной академии, а в 70-е годы стал ее ректором. Его раннее творчество было связано с авангардом. Затем пришло время редукции, упрощения звучания и наконец обращения к прошлому, к монументальным формам и религиозным текстам. По случаю юбилея в Катовице состоялся «Марафон творчества Гурецкого». «Этот необычный проект, — пишет Анджей Хлопецкий, — был осуществлен Национальным симфоническим оркестром Польского радио совместно с приглашенными коллективами, солистами и дирижерами. Марафон транслировался по II программе Польского радио с 10 утра до полуночи. Почти все произведения Гурецкого на выбор».

- Почетное звание Человека пограничья в этом году присвоено эстонскому композитору Арво Пярту. По словам критика «Газеты выборчей», «его творчество сродни созерцанию. Его произведения, построенные из звуков, подражающих звучанию колоколов, очаровывают». До сих пор звания Человека пограничья удостоивались польский поэт, знаток цыганской культуры и популяризатор творчества Бруно Шульца Ежи Фицовский и литовский поэт, переводчик и историк литературы Томас Венцлова.

- «На этом фестивале нет помпезности, напыщенности и снобизма, которые обычно сопутствуют подобным мероприятиям. Нет роскоши, фейерверков и красных ковровых дорожек. Зато есть прекрасная атмосфера, огромная энергия и сердечность, которые запоминаются надолго», — пишет Барбара Холлендер о лодзинском фестивале операторского искусства «Camerimage». Правда, во время фестиваля лучшим операторам ежегодно присуждаются «Золотые лягушки», но в Лодзи вместо типичного для фестивалей духа соперничества царит редкое в наши дни бескорыстное встреч людей кино. В этом году в Лодзь приехали, в частности, Джеймс Айвори, Дэвид Линч и Питер Вейр. Главная же премия нынешнего XI фестиваля «Camerimage» отправилась в Бразилию — ее получил Цезарь Чарлоне за съемки фильма «Город Бога».

- «В Польше власть над местными культурными учреждениями находится в руках органов местного самоуправления. Означает ли это, что они могут делать с культурой что хотят?» — вопрошает одна из лучших в Польше специалисток по современному искусству Дорота Ярецкая. Все началось с того, что суд вынес художнице Дороте Незнальской вступивший в законную силу приговор за оскорбление религиозных чувств на основании выставленного ею произведения. «Приговор по делу

Незнальской, — пишет Ярецкая, — изменил культурную жизнь страны. Он придавал смелости местным политикам, вмешивающимся в дела галерей, а у галерей отбил охоту рисковать (...) Как показывает множество примеров, местные власти все более самовольно управляют культурными учреждениями, считая их почти что своей собственностью».

- Победительницей организованного «Дойче-банком» и галереей «Захента» конкурса на лучшего молодого творца 2003 года стала Эльжбета Яблонская. Яблонская, автор инсталляций и перформансов, живет в Быдгоще и преподает в торунском Университете им. Николая Коперника. «Ее творчество, — пишет Агнешка Ковальская, — это остроумный комментарий к статусу и роли женщины в Польше. Наиболее известен созданный Яблонской и размещенный в прошлом году на рекламных щитах „Внешней галереи АМС” образ Суперменки, в которую воплотилась она сама». Получив премию, Эльжбета Яблонская зачитала текст, написанный совместно восьмью выдвинутыми на премию и осуждающий любые проявления цензуры в искусстве.

- Действующий при польских журналистских организациях Совет по этике СМИ опубликовал заявление, в котором, в частности, говорится: «В Польше журналистские расследования уже давно стали важнейшим фактором гражданского контроля общественной жизни. Нашим коллегам, специализирующимся в этой области — часто с риском для собственной безопасности, — мы обязаны раскрытием (...) явлений, наносящих вред государству и развитию демократии (...) Мы хотим выразить нашу признательность тем, кто занимается этим, и призвать их к осмотрительности и упорству, ибо мы убеждены, что журналистские расследования — одна из основных обязанностей средств массовой информации».

- В декабре в Польше появился новый телеканал. По каналу «Кино-Польша» [«Кино-Польша»] будут идти исключительно польские фильмы. «Канал, показывающий фильмы польского производства, — пишет Вадим Макаренко, — это культурное событие. „Кино-Польша” может стать новым форумом польских кинематографистов и критиков. Кроме того, в программе канала есть постоянное место для независимого кино».

- Вновь решается судьба Театра телевидения — самой большой и популярной польской театральной сцены. После ухода прежнего директора Яцека Векслера «у правления ТВП не оказалось никаких планов на будущее театра, который

считается флагманом миссии государственного телевидения по развитию культуры», — пишет «Жечпосполита». Между тем две последние премьеры («19 й меридиан» Юлиуша Махульского и подготовленный Ольгой Липинской к юбилею Константы Ильдефонса Галчинского монтаж его текстов под названием «Я не боюсь братьев Роек») получили признание критики и собрали перед телеэкранами многомиллионную зрительскую аудиторию.